

Лев ГАВРИЛОВ,
Санкт-Петербург

ЛЁНЬКИНА ВОЙНА

Посвящая дочери Марине

Гаврилов Лев Николаевич родился 5 января 1931 года, житель блокадного Ленинграда. В 1956 г. окончил Ленинградский Военно-механический институт и до 2007 г. работал «на оборону». Инженер-конструктор. Первые стихи опубликовал в 1954 г., много и постоянно печатался, принимал участие в формировании и становлении советского телевидения.

Поколения детей зачитывались увлекательными произведениями замечательного писателя Льва Гаврилова. В разные годы многотысячными тиражами издавались его книги «Тик-так», «Забавные медвежата», «Слонёнок Рам», «На весёлом стадионе», «Всем на удивление», «Проказники мышата», о ленинградской блокаде «Лёнькина война» и другие. Член Союза писателей СССР с 1962 г., член Союза писателей Санкт-Петербурга и Союза российских писателей. С 1980 по 2000 годы секретарь правления Союза. Награжден орденом "Знак почета", медалью "За трудовую доблесть" и другими медалями. В 2021 г. удостоен знака "За заслуги перед Санкт-Петербургом".

ЛЁНЬКА

Лёньке десять лет. У него на носу венушки, на лбу чёлка, глаза серые, уши враспыр и всегда обветренная нижняя губа.

Живёт Лёнька на Голодае. В трёхкомнатной коммуналке с мамой, папой и девятью соседями. Лёнькина мама — научный работник. Она или что-нибудь читает, или что-нибудь пишет, или бегаёт из комнаты в кухню и оттуда кричит, что опять всё пригорело или опять всё выкипело.

А Лёнькин папа — электрик. Он ничего не читает и ничего не пишет. Он или курит, или играет на мандолине, или ходит с Лёнькой в баню. Потому что в квартире есть ванная комната, но нет ванны и нет горячей воды.

— А зачем нам ванна, — говорит Лёнькин папа, — если до бани доплунуть можно.

И Лёнька с ним согласен. Нет ванны — и не надо.

Зато у Лёньки есть обруч с водилой из толстой проволоки, самокат со скрипом, мяч и двухколёсный велосипед с цепной передачей.

А ещё у Лёньки есть Гошка из второй парадной. Друг на всю жизнь.

Гошка живёт с мамой и бабушкой, а его папа геройски погиб на войне с финнами.

А в новом, 1941 году, на Лёньку упала ёлка с мандаринами, конфетами и игрушками. Соседка тётя Варя сказала, что это плохая примета. А Лёнькина мама ответила, что это Лёнькин папа плохо сколотил крест для крепления ёлки и приметы здесь не при чём.

А ещё в этом году Лёнька закончил третий класс и ждёт, что вот-вот наступит тот день, когда он уедет на всё лето в Зяблицы.

КУХНЯ

И этот день наступил, но получился какой-то суматошный.

Мама прибежала из комнаты в кухню, что-то говорила Бабане, убежала, потом прибежала снова и опять что-то говорила.

А Бабаня молчала. Она разжигала примус.

Лёнька тоже молчал. Он сидел на табуретке у холодной батареи отопления и молчал.

А вокруг него была кухня. Замечательная квадратная десятиметровая кухня на

три семьи. С бетонным полом, с тремя столбами, внутри которых скрывалась всякая всячина, Лёнке неизвестная. Над столами нависла полка с кастрюлями, сковородками, мисками, дуршлагами.

А ещё на кухне была железная раковина и медный кран. Имелась на кухне дрявяная плита. А над нею в стене — дырка. Для самоварной трубы.

Под окном кухни, под его подоконником, находился холодильный ящик. Назывался он холодильным, потому что в нём тоже была дырка. Зимой через эту дырку в ящик проникал мороз, а летом в нём было прохладно, так как окно выходило на север и дырка тоже выходила на север. В этом ящике хранили продукты.

Так вот Лёнька сидел на кухне и ждал, когда же эта суматоха закончится: мама перестанет бегать туда-сюда, а Бабадя наконец-то разожжёт примус, хотя это дело непростое.

БАБАНЯ

Бабадя тоже была замечательная. Во-первых, она сестра Лёнькиного деда, и, значит, маме приходилась тётей, а Лёньке — двоюродной бабушкой. Звали её Анна Ивановна. Лёнька упростил бабушку Аню до Бабади. И всё. Никто не спорил. Потому что было это в далёком детстве, а теперь ему уже десять лет. Во-вторых, Бабадя виновата в том, что Лёнька родился в Казани, а не в Ленинграде. Когда-то в Бабадю влюбился государственный человек. Это когда она была молодая, красивая и политически грамотная. А вскоре его вдруг назначили Председателем Совнаркома одной республики. Он уехал в Казань и увёз с собой Бабадю. А потом туда приехала Лёнькина мама учиться на химика в Казанском университете. Ну, училась бы и училась. Но она встретила там Лёнькиного отца. А все знают, что от таких встреч бывает. Поэтому Лёнька родился в Казани.

Но, как говорится, учиться и баинькать детей трудно. Мама вернулась в Ленинград, вверила Лёньку бабушке с дедушкой, а сама перевелась в Техноложку, где опять училась на химика.

А Бабадин человек привёз из командировки в Германию дамочку — немку. Он сказал Бабаде, что у них с дамочкой любовь, а значит, Бабадя пусть катится обратно в Ленинград на свою Гончарную улицу. Бабадя укатилась, а в 1937 году узнала, что её бывшего расстреляли за шпионаж в пользу Германии. Расстреляли вместе с дамочкой. Лёнька, когда услышал эту историю, подумал: «Так ему и надо! Не обижай Бабадю!».

КОМНАТА

Так вот, Лёнька сидел на табуретке, Бабадя, наконец-то, разожгла примус, мама поставила на него кастрюлю с супом, убавила коптящую керосинку и стала объяснять Бабаде, куда она поедет с Лёнькой на всё лето: сначала на трамвае до вокзала, потом на дачном поезде надо доехать до Волосово. Там Бабадю и Лёньку встретит Ионыч, и на лошади они поедут до Зябиц.

Лёнька тихонько хихикнул, представив себе как Бабадя, Ионыч и он едут верхом на одной лошади.

Мама посмотрела на Лёньку, сказала:

— Ничего смешного нет.

И пригласила в комнату перекусить на дорожку.

И они пошли в комнату. Комната тоже была замечательная. Похожая на самоварную трубу. Вернее, на сапог. В ней целых двенадцать метров. Вместе с Лёнькиным закутком. Он был похож на ту часть самоварной трубы, что втыкается в дырку над дрявяной плитой. В Лёнькином закутке стояла его кровать с пружинным матрасом, невысокий столик упирался в стенку, а стул обычно упирался спинкой в стол.

В остальной части комнаты с трудом разместились комод, родительская кровать, шкаф, стол и два стула. Вот и всё. Больше ничего не поместилось. Эти двенадцать метров мама называла дворцом имени Романыча.

А Романыч — это Лёнькин отец. Его все так звали. Уважительно: Романыч.

ПОЕХАЛИ

И вот суматошная часть дня закончилась. Они перекусили, после чего Бабадя сказала:

— Вера, приезжай ко мне на Гончарную, я научу тебя готовить. А то...

Мама усмехнулась, но ничего не сказала, и они поехали. В трамвае Лёнька сидел у окна. Трамвай был замечательный. Назывался «американка». В нём двери закрывались сами, и нельзя было ездить на подножке, как в старых трамваях. А можно только на «колбасе» последнего вагона.

До вокзала ехали молча. Бабадя только пожаловалась:

— Ты чем набила чемодан? Мне же его не поднять.

Мама ответила, что в вагон она его за тащит, а там встретит Ионыч.

— А если не встретит?

Мама пожалала плечами, и они пошли на вокзал.

В дачном поезде Лёнька тоже сидел у окна. И Бабадя сидела у окна. Напротив.

Лёнька думал о том, как здорово он проведёт каникулы.

О чём думала Бабадя, Лёнька не знал. Наверно, о том, встретит их Ионыч или нет.

ПРИЕХАЛИ

Ионыч их встретил. Он схватил чемодан, крикнул и потащил к председательской бричке.

Лёнька сразу узнал высокую белую лошадь. Звали эту лошадь Хозяйка. Конечно, председатель колхоза не дал своего Гнедого, и Ионыч запряг Хозяйку. Она и впрямь считалась хозяйкой в конюшне. Возила воду в большой бочке, возила сено, овёс и всё, что требовалось лошадям в конюшне. Потому и Хозяйка.

Лошадь узнала Лёньку и заржала вполголоса. Лёнька достал из кармана притыренный кусок булки и протянул Хозяйке. Лошадь мягкими губами вежливо взяла

булку с Лёнькиной ладони. Она жевала и благодарно кланялась.

— Ну, кончай миловаться, поехали, — сказал Ионыч и хлопнул вожжами по спине Хозяйки. Она не обиделась и неспешно пошла в сторону Зябиц. Она всегда не спешила. А Бабадя через каждый километр спрашивала:

— Далекое ещё?

— Далекое ещё, — отвечал Лёнька.

Хозяйка дошла до дома Ионыча, когда стемнело. Ионыч с трудом затащил чемодан в сени, а тётя Вера, жена Ионыча, приветствовала Бабадю и Лёньку словами:

— Ну, вот и вы! Идите скорей, а то драчёна остынет.

Лёнька собирался поехать на конюшню, помочь распрячь Хозяйку, но, как услышал про драчёну, передумал. Потому что драчёна у тети Веры замечательная!

— Ух, ты! — сказал он восторженно, радуясь, что суматошный день заканчивался просто прекрасно. Драчёна была знатная, молоко горячее, а хлеб тётя Вера сама испекла в русской печи. И масло сбивала сама из сливок. Мутовкой из срезанной верхушки молодой ёлки.

После еды тётя Вера пошла устраивать Бабадю, а Лёньку послала на сеновал, где ему уже была готова постель. Сено было прошлогоднее, колючее и чуть прелое.

Лёнька улёгся на матрас, слушал, как вздыхает внизу корова Зорька, как толкаются овцы, и смотрел в окошко на небо. Оттуда заглядывала луна и подмигивали звёзды. Лёнька тоже подмигнул звёздам и любопытной луне и заснул ночным счастливого человека, у которого начинались каникулы.

ЗЯБИЦЫ

Бабадю в Зябицах тамошние женщины насмешливо прозвали барыней. После завтрака она выносила стул, ставила его у крыльца, садилась, раскрывала цветастый зонт от солнца и читала книгу без картинок.

А Лёнька просыпался в четыре часа утра, потому что тётя Вера доила Зорьку, потом выпроваживала корову и овец за ворота, в стадо, которое пастух хлестким кнутом прогонял мимо дома Ионыча в сторону леса.

Дом Ионыча был последним в Зябицах. Объяснялось это очень просто. Ионыч долго был единоличником. Обосновал свой хутор и вступать в колхоз не хотел. Но, как говорили в Зябицах, потом он испугался, что его раскулачат, и попросился в колхоз с тремя лошадьми. Его из-за этих лошадей и приняли. Лошадей определили в колхозную конюшню, а Ионыча назначили конюхом.

Дом Ионыча был добротный, привезённый с хутора, а крыша — соломенная. У всех в деревне крыши покрыты дранкой, а у Ионыча соломенная. Даже Лёнька колот короткие полешки на дранку. Но её всё равно не хватало на всю крышу. А частями крышу крыть нельзя — так говорил Ионыч.

Когда соседка тётя Варя предложила отправить Лёньку в деревню Зябицы в первый раз, мама спросила: «А большая деревня?»

Тётя Вера ответила, что дворов пять-шесть, не больше.

Лёньке такой ответ совсем не понравился: как это пятьдесят дворов? А дома-то где? Он даже хотел отказаться ехать в бездомные Зябицы.

Но мама его успокоила, объяснив, что двор — это дом и земельный надел. Вот. А деревня оказалась замечательной. Она начиналась от дороги в Теглицы и широкой улицей уходила вправо. Посреди деревни стоял большой пожарный сарай. Лёнька знал, что в пожарном сарае есть телега с большой бочкой и насосом, похожим на детские качели. А ещё в деревне была каменная рига, где хранилось колхозное сено. За домами располагалась колхозная конюшня.

В конюшне вместе с другими лошадыми жила Хозяйка. А на скотном дворе, кроме коров, обитал здоровенный бык по кличке Борька. Этот бык всегда с подозрением смотрел на Лёньку, и он его побаивался.

Когда Бабаня спросила маму перед отъездом, есть ли в Зябицах река, мама сказала, что нет, и Бабаня облегчённо вздохнула:

— Вот и хорошо, а то в речке утонуть можно, — и посмотрела на Лёньку.

И мама посмотрела на Лёньку. Лёнька понял мамин взгляд и не проговорился Бабане о зябичьих прудах. В этих прудах купаются не только местные ребята, но и взрослые. Причём, все купаются в голом виде. Но знать об этом Бабане не обязательно.

А еще в Зябицах был небольшой магазинчик — сельпо. Там продавали всякую всячину, кроме булки. А ещё не было в Зябицах электричества и водопровода.

— Подумаешь, — сказала на это Бабаня, — зато люди хорошие.

ЛЁНЬКИНЫ ХЛОПОТЫ

Первые недели Лёнька помогал Ионичу по конюшениным делам: ездил с Хозяйкой за водой на ближний пруд, убирал навоз, смотрел, как Ионич ремонтирует хомуты и другие детали упряжи. Ионич протыкал стькуемые куски кожи широким шилом и протягивал через дырку тонкий сыромятный ремешок, сшивая те места, где требовалось.

Указательный палец правой руки Ионича был, как он говорил, негибучим. Он торчал, мешая Ионичу работать.

Деревенские мальчишки передавали Лёньке слова взрослых, будто Ионич сам повредил себе палец, чтобы его не взяли на войну в 1914 году, а всем сказал, что это лошадь наступила копытом.

Лёнька этому не верил, но и не спрашивал Ионича, правда ли это. Хотя очень хотелось спросить.

Несколько раз Лёнька ходил с тётей Верой полоть картофельное поле. Это поле заросло жёлтыми цветочками. Их называли бутками.

Когда Лёнька показал такой цветок Бабане, она спросила:

— Что это?

Лёнька ответил:

— Бутка.

Бабаня покачала головой и сказала, что будка — это где собаки живут, а это называется — сурепка. Но Лёнька знал, что такое репка, правда, без су-, и с Бабаней не согласился. Бутка и есть бутка.

А ещё Лёнька сгребал сено на конных граблях, отвозил с Хозяйкой бидоны с наловым молоком в Местоново и ещё много чего.

А любимым делом Лёньки было ночное. Бабане вовсе не нравилось, когда он уходил из дома на всю ночь. Но Ионич её убедил, что ничего страшного нет, и она ему поверила.

Ночное — это замечательное дело! Лошадей отгоняли за деревню в поле, стреноживали передние ноги путами, чтобы не разбежались кто куда, и они отдыхали после трудового дня каждая по-своему. А Лёнька и Ионич ложились на расстеленный овчинный тулуп и смотрели то на лошадей, то на небо.

Ионич, человек неразговорчивый, однажды вдруг спросил Лёньку:

— А как ты считаешь, Леонид, будет война с немцами или нет?

— А война — это как? — спросил Лёнька.

Ионич промолчал.

Лёнька смотрел на темное небо и думал о войне. Он знал, что война — это когда побеждают наши, а враги бегут, бегут, бегут...

ВОЙНА

Время летело незаметно. О войне в Зябицах, кроме Ионича, Лёньке никто не говорил. Даже Бабаня. И вдруг — война!

Тётя Вера плакала, а Бабаня её успокаивала:

— Ну, подумаешь, немцы! Дадут им зад как следует — и вся война. Через неделю всё кончится.

Ионич послушал Бабаню, крикнул и позвал Лёньку на конюшню.

По дороге он качал головой и жаловался Лёньке:

— Заберут коней, как есть, всех заберут...

— Куда? — не понял Лёнька.

— На войну, куда же ещё. Эх, проклятое время!

Уходя из конюшни, Ионич погладил каждую лошадь, и что-то шептал им в уши. Лёнька тоже гладил лошадей, но не шептал, потому что не знал, о чем надо шептать. Поэтому спросил Ионича:

— А что вы им шептали?

— Чтобы выжили. Да навряд ли... Война, Леонид, это штука жестокая.

Дома их встретила Бабаня. Она сердито объявила Лёньке, потрясая перед его носом телеграммой:

— Она требует, чтобы мы немедленно ехали домой!

— Кто? — устало спросил Лёнька. Ему было жаль лошадей, а остальное его интересовало мало.

— Кто, кто, — повторила Бабаня, — твоя мамочка! С ума она сошла, что ли? Из-за чего паника? Как будто мы немцев никогда не били!

Ионич посмотрел на Бабаню и хмуро сказал:

— Война — штука жестокая. Мать Леонида дело пишет. Надо ехать.

— И не подумаю, — махнула телеграммой Бабаня.

Лёнька допил кружку холодного молока, доел большой кусок мягкого тётиверинного хлеба. Посмотрел, как подрагивает огонь в керосиновой лампе, и полез на сеновал. Уезжать ему тоже не хотелось. Он лежал и думал о войне.

А ночью ему приснился товарищ Сталин на белом коне, в чёрной бурке, как у Чапаева, в фуражке со звездой и саблей в руках. Он рубил немцев направо и налево. Порубал всех, и война кончилась.

Но это было во сне.

ПРОВОДЫ

А наяву все мужчины деревни получили повестки из Военкомата. Все получили, кроме хромого председателя и Ионича.

Провожали мужчин женщины, пацаны, девчонки и Лёнька.

Гармонист, вихрастый Минька, шёл в первом ряду и наяривал на гармошке весёлую частушечную музыку. За плечами его была полупустая котомка. Минька шёл в цветастой рубашке, отглаженных брюках и босиком. А на носу у Миньки сидел большой прыщик.

Лёнька ткнул в бок идущего рядом пацана:

— Серый, а чего это Минька на войну босиком, а?

Серый, не глядя на Лёньку, буркнул:

— А он сказал, что на войну его обуют.

Мужчины шли молча, нетрезво усмехаясь, женщины плакали, пацаны шли рядом с отцами такие гордые, как будто это они шли на войну.

А вокруг Миньки плясала хохотушка Зойка. Она размахивала белым платочком и пела:

*— Я прощаюсь с гармонистом,
Он уходит на войну.
Бей, красивый мой, фашистов
И вернись на родину.*

Музыка звучала весёлая, частушки задорные, но Лёньке почему-то не было весело.

А Зойка не унималась:

*Пусть фашистов будет тыща,
Если сунутся сюда
И увидят Минькин прыщик,
Разбегутся кто куда!*

ПРОЩАЙТЕ, ЛОШАДИ

Дошла очередь и до лошадей. Им тоже пришла повестка. Одна на всех. Лёнька и Ионич провожали их на войну. Впереди верхом на Хозяйке ехал Лёнька, а позади всех лошадей — Ионич в председательской брочке.

Запрягая Гнедого, он жаловался Лёньке:

— Хоть бы Хозяйку оставили, а то беда. Брочку тащить придётся.

Лошади шли, понунив головы, словно чувствовали, что отправляются на опасное дело. Только низкорослая кобыла по кличке Калмычка била себя хвостом по бокам и порой подпрыгивала на ходу.

— Чего она радуется? — удивлялся Лёнька.

Ветеринар в военной форме с одной шпалой в петлицах, забраковал Хозяйку — по старости, и Калмычку. У неё оказалась чесотка.

Ионыч получил какие-то лекарства и строгий приказ: вылечить кобылу и вернуть.

Грустный Ионыч и Лёнька возвращались в Зябицы. Хозяйка неспешно везла бричку, а Калмычка на привязи нехотя брела за бричкой. Обиделась, наверное, что её не взяли на войну.

На весь колхоз оставалась одна Хозяйка.

ВРЕМЯ ПРИШЛО

Через некоторое время на фронт отправляли зерно. Всё для фронта — всё для победы! Лёнька даже пытался дотащить до полуторки мешок с зерном. Однако только насмешил Зойку, потому что мешок оказался таким тяжёлым — жуть просто! Зойка посмотрела на Лёнькины мучения и предлохла:

— Ну, давай-ка вдвоём.

И они потащили мешок к машине, около которой председатель и Ионыч забрасывали мешки в кузов.

— Когда твоя барыня собирается уезжать? — спросила Зойка, вытирая концами платка пот.

— Она не барыня, — рассердился Лёнька, — она была женой председателя Совнаркома.

— Да ну, — удивилась Зойка, — и что? — А ничего, — буркнул Лёнька, — расстреляли его.

Зойка вдруг стала совсем серьёзной. Она погладила Лёнькину чёлку и даже извинилась:

— Не сердись, я же не знала.

По дороге к дому Лёнька думал о том, что есть всё-таки польза от изменщика председателя Совнаркома. Не будут в Зябицах звать Бабаню барыней.

Когда до Зябиц дошёл слух, что где-то недалеко высадился немецкий десант, Бабаня помрачнела, но не сдалась. Телеграммы Лёнькиной мамы она складывала в ридикюль. Так она называла большой кошелек для всяких дамских вещей, документов и денег. Но в день, когда Ионыч позвал Лёньку за курятник и попросил помочь выкопать яму, Бабаня увидела, как в эту яму Ионыч и тетя Вера укладывают ящики от комоды с вещами, накрывают их клеёнкой и засыпают потом землёй. И она сдалась.

— Вижу, что надо уезжать, — сказала она грустно, — собирайся, Леонид.

ОТЪЕЗД

Утром тётя Вера разбудила Лёньку:

— Вставай, Ионыч уже приехал.

Бабаня и Лёнька наскоро позавтракали, и в председательской бричке Хозяйка

повезла их в Волосово. Теперь Бабаня не спрашивала: «Далеко ещё?»

На станции никаких дачных поездов не было. Бабаня решительно пошла узнавать, где покупают билеты.

— Какие билеты! — рассердился дядька в железнодорожной фуражке с красным верхом. — Какие билеты! — повторил он. — Вон стоят три платформы, это последнее, что пойдёт до Гатчины. Спешите, а то скоро отправятся.

И они поспешили к необычному поезду.

Лёнька и Ионыч помогли Бабане залезть на платформу, закинули туда чемодан, зонтик и ридикюль.

Потом Лёнька по-взрослому пожал Ионычу руку с негибучим пальцем, помахал тюбетейкой Хозяйке и залез на платформу. Как только Лёнька сел на чемодан, паровоз, словно по сигналу, свистнул, и они поехали.

— Надо же, как удачно, — сказала Бабаня, — раз-два и тронулись.

БОМБЁЖКА

На трёх платформах, что составляли поезд, сидели и лежали женщины и дети. Тщил платформы паровозик, из трубы которого валил чёрный дым.

Женщина, соседка на платформе, сообщила, что это последний состав. Больше не будет. Немцы близко.

Бабаня достала из чемодана платок, накинула на голову и подвязала по-деревенски, под подбородком. Потом она заставила Лёньку надеть свитер. Чемодан они поставили на ребро, поперёк ветра, и сели на пол платформы спиной к паровозу.

Лёнька осмотрел пассажиров и пришёл к выводу, что на платформе только женщины и мелкота дошкольная, причём большинство с бантиками.

Бабаня разговаривала с соседкой. Женщина куталась в тёплый платок, а на голове у неё была шляпка с красной розочкой. Разговор женщин Лёнька не слушал. Он стал смотреть на небо. Оно было синее-синее, а по нему лениво плыли белые облака. Одно облако напоминало верблюда. Голова, два горба, всего две ноги и хвост, который летел отдельно от верблюда и никак не мог его догнать. Лёньке стало интересно: догонит хвост верблюда или нет. И вдруг из головы верблюда вывалился самолёт. Он начал падать прямо на платформу.

— Немец! — ахнула соседка. — С крестами!

И тут Бабаня приказала Лёньке лечь вдоль борта платформы, поставила чемодан на ребро рядом с Лёнькой и легла на чемодан и на борт, закрыв Лёньку от всего на свете.

— Лежи, — прошептала она, — и не дрейфь. Пусть лучше меня убьёт этот фашист, чем твоя мамаша.

Лёнька лежал и ничего не видел, а только слышал нарастающий гул самолёта. Когда бабахнуло в первый раз, Бабаня побледнела, а когда бабахнуло во второй раз, Бабаня вздрогнула и закрыла глаза. А когда что-то вжикнуло и в борту образовалась дырка, Лёнька сразу догадался, что по ним стреляют. Он хотел сказать об этом Баба-

не, но она легла с закрытыми глазами, как мёртвая.

И вдруг самолётный гул начал удаляться.

— Улетел, улетел! — услышал Лёнька.

И тут Бабаня открыла глаза и хриплым голосом сообщила:

— Леонид, вылезай, в меня, кажется, попала бомба. Она у меня на спине. Сбрось её за борт. Только осторожно.

Лёнька выбрался из-под Бабани. Самолёт уже скрылся из виду, а на бабаниной спине лежал ком земли. Большой. С Лёнькин мячик. Лёнька снял его и показал Бабане.

— Слава Богу, — прохрипела Бабаня, — а я думала, это бомба. Выброси...

Лёнька выбросил, а Бабаня решила сплесть с чемодана и борта, но чемодан упал, на него рухнула Бабаня, и Лёньке пришлось помочь ей сесть.

Он поставил чемодан на ребро, отрянул землю с Бабаниной спины, уселся сам спиной к паровозу и посмотрел на соседку. Она сидела спиной к борту, голова склонилась на грудь. А шляпка съехала на лоб.

— Чего это с тетенькой? — спросил Лёнька. — Может, в неё попали?

Бабаня посмотрела на соседку, поправила ей шляпку, и вдруг шлепнула её ладошкой по щеке. Соседка вздрогнула, вздохнула, открыла глаза и сказала:

— Что это со мной? Я так испугалась.

— Я тоже, — успокоила соседку Бабаня. — Это у вас был обморок. И всё.

Выяснилось вскоре, что на платформе все живы. На соседних вроде тоже, хотя и спрашивали: «Нет ли у вас на платформе врача?»

Так и доехали до Гатчины, без потерь, если не считать Лёнькину тюбетейку, которая улетела в неизвестном направлении, когда Лёнька помогал Бабане принять сидячее положение, после того как в неё попала «бомба».

От Гатчины ехали в вагоне дачного поезда. Бабаня всю дорогу просила Лёньку не говорить маме о бомбёжке. Лёнька пообещал маме ничего не говорить, а сам думал о том, как он будет рассказывать лучшему другу Гошке именно о бомбёжке. А о чём же еще?

Бабаня сдала Лёньку маме и сразу заторопилась на свою Гончарную.

— Ты хоть чаю попей, — уговаривала её мама.

— Нет, нет! Надо спешить. Приезжайте на блины. На ночь тесто заквашу, — пригласила их Бабаня и, многозначительно посмотрев на Лёньку, уехала.

Мама обняла Лёньку и вдруг заплакала.

— Ты чего плачешь, — прошептала Лёнька, — всё же хорошо. Лучше Расскажи, как тут у вас в городе, какие новости.

НОВОСТИ

Мама перестала плакать и прошептала:

— Что же вы так долго не приезжали? Я извелась вся. У меня и есть нечего. Никого нет, я и не готовлю. Будем пить чай с сахаром. Согласен?

Лёнька попросил маму открыть чемодан и достал из него завернутую в непромокаемую бумагу драчёну.

— Это тётя Вера нам на дорогу положила, — сказал он гордо, — а мы про неё забыли из-за этой...

Ленька чуть не брякнул про бомбёжку, но вовремя захлопнул рот ладошкой, чтобы не выдать Бабаню. Но мама так обрадовалась драчёне, что не обратила внимания на Ленькин жест. Она разрешила драчёну на четыре части, и они стали пить чай. Ленька откусывал кусочек драчёны, потом брал в рот кусочек сахара, запивал это глотком горячего чая и слушал мамины новости. А новостей оказалось много.

Оба соседа ушли на фронт. Муж тети Вари — красноармеец-пулемётчик, а Полинин муж — командир с двумя красными кубиками в петлицах.

— А папа? — спросил Ленька.

— А папу на фронт не пустили.

— За что? — обиделся Ленька.

— Не за что, а почему, — поправила Леньку мама. — Папу оставили на заводе и назначили начальником штаба МПВО завода.

— А начальник — это тоже командир? — спросил Ленька и вспомнил, что на фотографии у отца в петлицах было три треугольничка. Это когда он служил в Красной Армии.

Мама кивнула и на вопрос, где же папа, объяснила, что МПВО — это Местная Противовоздушная Оборона, а поэтому папа находится на казарменном положении. То есть, он и днём и ночью должен быть на заводе.

Ленька обрадовался, он подумал, что папа будет стрелять из пушки по фашистским самолётам. Но мама покачала головой и перешла к другим новостям.

К Полининым детям приехала бабушка, а уехать не может. Её город заняли немцы. Бабушка спит на кухне, на плите. Потому что в комнате она не поместилась.

А еще: теперь в магазинах всё продают по карточкам. Без них ничего купить нельзя.

— Даже конфеты? — удивился Ленька.

Мама вздохнула и показала Леньке продуктовые карточки с талончиками на хлеб, крупу, жиры и сахар.

Мама положила на стол карточку на хлеб и велела Леньке завтра выкупить хлеб и поехать с ним к тётке Мане.

— Она тебя покормит, — сказала мама, — а вечером я что-нибудь придумаю.

На этом новости кончились, и Ленька вдруг почувствовал, что очень устал. Он улёгся на свою кровать с пружинным матрасом и сразу уснул. И ничего ему не приснилось. Потому что кто устал, тому ничего присниться не может.

УНТЕР-ОФИЦЕРША

Тётя Маня — родная сестра Ленькиной мамы. Ленька в детстве звал её Малеей, а теперь называет тёткой Маней. Потому что вырос. Вот.

А тётя Маня весело называет себя унтер-офицершей, хотя её муж двухпальцевый командир Красной Армии. Но когда она в него влюбилась, он был унтер-офицером и георгиевским кавалером в царской армии. Это во время войны 1914 года.

Жила тетя Маня с мужем и сыном Юрашей в большой-большой комнате. В большой-большой коммунальной квартире. Соседей было так много, что Ленька их даже не считал.

Тётя Маня встретила Леньку, и они пошли по длинному коридору в комнату.

В большой-большой тетиминой комнате помешалось так много всяких вещей, что Ленька удивлялся: зачем столько шкафов, стульев и всякого другого. Посредине комнаты стоял большой квадратный стол, над ним висела лампа под жёлтым абажуром. У одной стены стоял диван, у другой — кровать. А ещё в комнате стоял стол с чернильницей, крышка которой была в виде красноармейской будёновки. Стол называли письменным, и Ленька иногда раскрашивал за этим столом нарисованных Юрашей красноармейцев. Юраша вырезал их из бумаги сразу по пять в ряд и объяснял Леньке, в какой цвет красить форму красноармейцев.

Между окон в комнате стоял комод, покрытый кружевной скатертью. Над комодом висело зеркало, а рядом с ним висели необыкновенные часы. Это кроме тех, которые с боем над письменным столом. Про эти часы Ленька знал замечательную историю. Такие часы извозчики-лихачи вешали на толстом шнуре себе на спину, чтобы седок мог видеть, что его доставили на место в оговорённое время. Часы и сегодня висели на толстом шнуре, и весу в них было не меньше кило.

Так вот, давным-давно, еще до революции, Ленькин дед пошел на станцию с этими часами, чтобы поставить на них точное время. За ним увязалась собачонка — как о ней говорили: маленькая, чёрненькая, хвост крючком.

На станции собачонка стала лаять на жандарма, а тот сапогом спихнул её под поезд. Дед раскрутил на шнуре часы и хлопнул ими по жандармской голове. Жандарм остался жив, а деда посадили в тюрьму, где он сидел до самой революции. Вот такой замечательный был у Леньки дед.

В комнате Ленька первым делом подошёл к комоду. Он потрогал знаменитые часы, заглянул в зеркало и сел за стол. Тётя Маня села напротив и спросила:

— Что это у тебя?

— Хлеб, — ответил Ленька, — мама велела прийти с хлебом.

— Понятно, — вздохнула тётя Маня. — Ты позвонил, я думала, Юраша пришёл, а это ты. Он с первого дня на фронте — и никаких весточек.

Тётя Маня подёрла щеку кулаком и заплакала.

В это время дверь открылась и вошёл военный с винтовкой.

— Юраша! — вскрикнула тётя Маня и кинулась ему навстречу.

ЮРАША

Юраша — это Ленькин двоюродный брат и тетиминой сын. Он самый лучший Ленькин защитник во дворе. Потому что, когда старшие мальчишки во дворе отбирали у Леньки двухколёсный велосипед с цепной передачей, он пожаловался Юраше, тот приехал и в два счёта навёл порядок. С тех пор никто у Леньки велосипед не отбирал, а просили покататься. А ему жалко что ли? А ещё Юраша здорово рисовал красками. В комнате висела его картина: Чапаев скачет на белом коне в чёрной бурке, в чёрной папахе, с саблей, а над ним облака. Вот такая замечательная картина.

Тётя Маня долго обнимала и целовала Юрашу. Наконец она его выпустила из своих объятий, и Юраша погладил Ленькину чёлку и сказал:

— Здорово, братишка.

На вопрос, откуда и надолго ли, Юраша ответил коротко:

— Из окружения. На три часа. Побреюсь, помоюсь, поем, посплю часик и в военкомат. А потом куда пошлют.

Тётя Маня засуетилась, а Ленька вдруг понял, что ей не до него. Он тихонько вышел из комнаты и поехал к себе на Голодай. К лучшему другу на всю жизнь — Гошке.

Только в Гошкиной парадной он вспомнил, что забыл хлеб на тетимином столе. Ну и что? Может, это и хорошо, раз Юраша вернулся!

И тут завывла сирена.

ВОЗДУШНАЯ ТРЕВОГА

Когда Гошка открыл Леньке дверь, раздался серьёзный голос, который несколько раз повторил: «Воздушная тревога!»

Гошка выскочил на площадку и крикнул:

— Привет от старых тшблет! Ты откуда? — и, не дождавись ответа, добавил: — Давай на крышу!

— Зачем? — удивился Ленька.

— Давай скорей, может, бой увидим, — и они побежали вверх по лестнице на чердак.

На чердаке стояла большая железная бочка с водой и большой ящик с песком. А в ящике лежали железные клещи с длинными ручками.

— Это зачем? — спросил Ленька.

— Вода от пожара, песок и клещи для зажигалок, — объяснил Гошка, — давай скорей на крышу, а то не успеем.

На крыше они встали около кирпичной трубы и стали искать в небе самолёты. Но самолёт был всего один. На фоне синего неба он был хорошо виден. А вокруг него появлялись и пропадали маленькие белые облачка.

— Разведчик, — сказал Гошка, — а зенитки, видишь, мажут, попасть не могут.

И Ленька понял, что маленькие облачка — это разрывы снарядов.

«Хоть бы попали», — подумал Ленька, и тут что-то ослепило около уха и глухо ударило в трубу. Гошка быстро нагнулся, поднял это что-то и сообщил:

— Еще горячий, потрогай, — и положил на Ленькину ладонь горячий кусок белого металла. — А что это?

— Осколок от зенитного снаряда, — Гошка посмотрел на Леньку и посерьёзnel: — Ещё чуть-чуть — и был бы ты с дыркой в голове.

Ленька спрятал осколок в карман и решил маме не говорить, что наши зенитчики чуть-чуть не пришибли его своим осколком.

Немецкий самолёт-разведчик улетел не сбитый, и Ленька пошёл к Гошке.

ГОШКА

Гошка был курносый, рыжий и весь в веснушках. Гошкина мама работала в пятой столовой. Она так называлась — пятая.

По выходным Леникина семья в полном составе приходила обедать в пятую столовую, и Гошкина мама всегда их обслуживала. А вот Гошкина бабушка нигде не работала. Она помогала воспитывать Гошку, убиралась в комнате, готовила еду и ходила в церковь на Смоленское кладбище. Там она молилась и просила Бога, чтобы он помог вернуться её сыну — Гошкиному отцу. Потому что не верила, что его убили на войне с финнами, и надеялась, что он в плену.

Комнатка, где жил Гошка, тоже была маленькая, поэтому бабушкина кровать в ней не поместилась, и бабушка спала на топчане в ванной комнате, в которой, как и у Лёньки, ванны не было. Когда бабушка уходила в церковь, Гошка и Лёнька забирались на её топчан, покрытый покрывалом в цветочки, доставали заветную бабушкину книгу по названию Библия и рассматривали картинку.

Когда Лёнька с Гошкой спустились с крыши, раздалась музыка и серьёзный голос объявил: «Отбой воздушной тревоги».

Бабушка встретила их на пороге, сказала, что она уходит, и посоветовала не бить баклуши, а сходить на лютеранское кладбище да набрать желудей.

— Я из них в восемнадцатом году такой кофе готовила! Блеск! — сказала она на прощание.

А потом Лёнька рассказал Гошке про бомбёжку, а Гошка сообщил о бомбе, что угодила в женское общежитие фабрики Желябова.

ЖЁЛУДИ

Лютеранское кладбище пряталось за забором сразу за жёлтым домом, где аптека. Прямо напротив аптеки в заборе кто-то проделал дыру. Через эту дыру можно было запросто проникнуть на кладбище. Это кладбище называли немецким, потому что там хоронили немцев с давних времён.

Когда Лёнька и Гошка отправились за желудями, к ним подошёл Вовка из третьей парадной и сказал, что тоже хочет набрать желудей.

— А тебе-то зачем? — спросил Гошка. — Кофе варить или из рогатки стрелять? А Вовка принял важный вид и нехотя ответил, что желудя на что-нибудь да пригодятся.

На кладбище высились старые дубы. Говорили, будто им лет по сто. А может, и больше. Самый развесистый рос около «овечки». Так называли надгробие, которое украшали скульптуры девушки, юноши, собаки и овечки. Потому и называли «овечкой».

Гошке кто-то рассказал, что девушке из богатых не разрешили выйти замуж за голодаевского пастуха. Девушка расстроилась, пастух тоже, они бросились в залив и утонули. А потом выяснилось, что это могила богатой, старой и одинокой женщины, что девушка и юноша — это любовь, собака — верность, а овечка — кротость. Когда Лёнька и Гошка узнали эту историю, так даже расстроились. Пастух и девушка им нравились больше, чем богатая старуха с её аллегориями. Что это называется аллегорией, сказала мама.

Около «овечки» рос здоровенный дуб, на его нижние ветви можно было забрать-

ся с мраморной скамьи надгробия. Лёнька и Гошка полезли на этот дуб, Вовка полез на соседнее дерево.

— Там жёлуди толще, — сказал он.

Когда Лёнька нарвал два кармана желудей, на соседнем дубе треснул сук, и Вовка упал на землю.

Лёнька и Гошка слезли с дуба и подбежали к Вовке. Он лежал на спине и молчал.

— Ну, ты как? — спросил Гошка. Вовка молчал. Лёньке стало страшно: а вдруг Вовка разбилась насмерть? Лёнька и Гошка посмотрели друг на друга, не говоря ни слова, взяли Вовку за руки и поволокли с кладбища, в аптеку. Женщина в белом халате посмотрела на Вовку и спросила:

— Что с ним?

— С дуба упал, — сказал Гошка.

— А зачем он туда полез?

— За жёлудями.

— А он живой? — спросил Лёнька.

Аптекарь склонилась над Вовкой, до тронулась до его шеи и шепнула: — Живой, не волнуйтесь. Сейчас его отправим в больницу, и, надеюсь, всё будет в порядке.

Вовку увезли в карете скорой помощи, а Гошке аптекарша дала записку с адресом больницы и телефон. Эту записку надо было отдать Вовкиной маме. Что и было сделано. Только в квартире никого не было, и записку опустили в щель входной двери.

В эту щель почтальоны всегда письма бросают. Потом Лёнька и Гошка договорились, что завтра зайдут в школу. Просто так. И Лёнька пошёл домой.

В ПЕРВЫЙ РАЗ

Дома Лёнька выпрянул жёлуди на свою кровать и стал думать, куда бы их спрятать, чтобы маме не рассказывать про Вовку. Думал, думал и вдруг вспомнил, что с утра ничего не ел. Он никогда не хотел есть. Если его звали обедать, он ел нехотя, без хлеба. И вообще, считал еду делом нужным только маме с папой. Для его воспитания.

А сейчас он бы и поел, но в доме ничего, кроме желудей, не было. Лёнька погрыз жёлудь, но вкус дубового плода ему не понравился. Лёнька высыпал жёлуди в школьный портфель и стал ждать маму, на этот раз с надеждой на обед.

И его надежды оправдались. Мама принесла в одной банке суп, в другой макароны с котлетой. На вопрос мамы о том, чем его кормила тетя Маня, Лёнька ответил коротко: — Юраша пришёл из окружения.

И мама всё сразу поняла и стала разогревать еду на керосинке.

Лёнька смотрел, как готовится обед, и понял, что он просто жутко хочет есть. В первый раз.

ШКОЛА

Школа и Лёнькин дом стояли друг против друга. А между ними булыжная мостовая. По мостовой ездило много машин. Они возили мусор на свалку. Однако 1 сентября, когда отец повёл Лёньку в первый класс, они пошли не в школу напротив, а в другую. Лёньке неизвестную. Она стояла в конце их переулочка. Эта школа была новой

постройки, четырёхэтажная, с большими окнами и светлыми классами.

Школа Лёньке понравилась, но всё-таки он спросил папу:

— А почему не в ту?

Папа на Лёнькин вопрос ответил вопросом:

— А кто в нашей семье самый умный?

— Мама, — ответил Лёнька. Папа почесал затылок и нехотя согласился:

— Ладно, пусть мама. Так вот, наша мама считает, что ходить в школу, которая через дорогу, — опасно, потому что машины туда-сюда шастают и тебя сбить могут. Лёньке стало смешно, но спорить он не стал.

Утром Лёнька с Гошкой встретились, как договорились, и пошли в школу. Но в школу их не пустили. У входа стоял матрос в бушлате, брюках клёш, в бескозырке и с винтовкой.

— Куда идём? — спросил он строго.

— В школу идём, куда ещё, — огрызнулся Гошка. — Мы здесь учимся.

— А здесь теперь не ваша школа, а военный объект. Ваша школа не здесь, а в бомбоубежище, что напротив гастронома. Знаете где это?

— Знаем, — ответил Лёнька и прищурился: — А какой теперь в школе военный объект?

— А это военная тайна, — сказал матрос, — прошу отчалить в сторону бомбоубежища.

— Вот это да, — сказал Гошка, — военный объект в школе!

— Да, — поддержал его Лёнька, — такая вот штука с ручкой получается.

Это Лёнькин папа всегда говорил про штучку с ручкой, если что-нибудь непонятное случалось. Лёнька спросил однажды:

— А что это штука с ручкой?

— А кто его знает, — пожал плечами папа, — патефон, наверное.

— А у нас есть патефон?

— Зачем же нам патефон, если у нас танцевать негде? — рассмеялся папа, и Лёнька с ним согласился.

БОМБОУБЕЖИЩЕ

На доме, что напротив гастронома, было написано крупными буквами: «Бомбоубежище». Стрелка показывала на обычную парадную. Гошка зашел первым и сказал:

— Так это в подвале.

Дверь в подвал была железная. Они вошли, и Лёнька сразу сообразил, что ничего замечательного в этом бомбоубежище нет. Голые стены да несколько рядов скамеек. Как в Местоновском клубе, когда кино показывали. А еще в бомбоубежище за маленьким столиком сидела женщина и вязала. На ней был тёплый платок, тёплая кофта, брюки и валенки. Такая вот странная женщина. Она спросила:

— Вам что, ребята?

Гошка сказал ей про школу, про матроса и военный объект.

Женщина сообщила, что будут два класса, но они ещё не готовы, что приходиться надо 1 сентября, когда всё устроится.

Лёнька с Гошкой всё поняли и собрались уходить, но тут завывала сирена и серьёзный голос несколько раз объявил: «Воздушная тревога».

Женщина сняла со спинки стула сумку и надела её через плечо.

— Что это? — спросил шёпотом Лёнька.

— Противогаз, — тоже шёпотом ответил Гошка.

Лёнька хотел спросить Гошку, а зачем в бомбоубежище противогаз, но в это время стали приходиться женщины с детьми. Они садились на скамейки и уговаривали малышей не капризничать, что тревогу скоро отменяют и они пойдут домой.

Когда все скамейки были заняты, пришла Ася. Она встала у двери и закрыла лицо руками.

«Испугалась, что ли?» — подумал Лёнька. Он встал, подошёл к Асе и твёрдо сказал:

— Ты чего, испугалась, что ли?

Ася опустила руки, по её щекам текли слёзы:

— Папа погиб, — сказала она и снова закрыла лицо руками.

АСЯ

Лёнькина мама однажды сказала, что Ася девочка из хорошего дома. Лёнька возмущился:

— А я что, из плохого дома?

Мама обняла Лёньку, поцеловала в лоб и успокоила:

— Ты не из плохого дома, ты из дворца имени Романьча.

А Лёнька ещё в первом классе понял, что Ася — девочка замечательная. У всех девочек в классе было по две тощих кошечки, а у Аси одна, зато какая! Почти до пояса! Глаза у Аси большие, карие. На щеках ямочки. Это когда она улыбается. Конечно, Гошка — лучший друг на всю жизнь, нередко поддразнивал Лёньку и намекал на то, что он втрескался в Асю. Но Лёнька вовсе и не втрескивался, а просто у него с Асей были общие октябрятские дела. Она звеньевая первого ряда октябрят, если считать от двери класса, а Лёнька — третьего. Они и газеты своих звеньев выпускали. Газету первого звена всегда хвалили, а третьего только похваливали. Неплохо, мол...

Зато к праздникам выпускали классную газету. Одну на всех. Ася писала в неё стихи, а Лёнька рисовал картинки.

А почему Ася девочка из хорошего дома, Лёнька понял, когда побывал у неё в гостях. Квартира оказалась точь-в-точь такой же трёхкомнатной, но если у Лёньки было девять соседей, то у Аси ни одного. В одной комнате располагались Асины родители, в другой — Ася, а третья называлась гостиная. В ней на одной стене висел ковёр, а на другой — шкура белого медведя. Эту шкуру Асин папа привёз с Северного полюса. Он был полярный лётчик. Весёлый, сильный, смелый — и вдруг погиб.

Лёнька стоял около Аси и не знал, что сказать. Они не слушали, о чём говорила женщина с противогазом. Они просто стояли и молчали.

Когда объявили отбой воздушной тревоги, Гошка пошёл в пятую столовую, а Лёнька проводил Асю до дома.

Она жила в первой парадной. Ася открыла дверь и вдруг спросила:

— А твой папа тоже на фронте?

Лёнька растерялся и ответил:

— Мой папа на казарменном положении.

Ася сказала:

— Понятно.

Она перекинула косу через плечо, дёрнула её рукой, словно хотела оторвать, и ушла, захлопнув перед Лёнькиным носом дверь парадной.

Лёнька расстроился, потому что знал, когда Ася дергает свою косу. Он заметил эту её особенность еще во втором классе и спросил, зачем она хочет оторвать косу. Ася рассмеялась и сказала, что этому её научил папа. «Если тебе хочется кому-то сказать что-то обидное, — сказал он однажды, — дёрни себя за косу, и это желание пройдёт». Значит, Ася хотела ему сказать что-то обидное из-за того, что его папа на казарменном положении. И Лёнька решил выяснить, что же это такое.

КАЗАРМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Занятия в бомбоубежище начались как всегда. На первый урок пришла новая учительница. Она сказала, что будет их учить вместо Эльзы Арнольдovны, и стала по журналу вызывать учеников для знакомства. Многие ученики не пришли на занятия. Учительница отметила всех, кто пришёл, и назвала причину отсутствия не пришедших словом, которое Лёнька услышал впервые, — эвакуация. Многие убыли из города, — объяснила она, — а многие не смогли вернуться из-за осады. Это было второе слово, услышанное Лёнькой впервые. Зато пришла Ася, и пришел Вовка с костылём.

Он гордо заявил Лёньке, что доктор ему сказал, будто он теперь инвалид войны.

— Какой же ты инвалид войны, — рассмеялся Лёнька, — если ты с дуба упал?

— Ну и что, всё равно считается, — у меня нога вывихнутая и в голове потрясение!

После второго урока всех отпустили домой. Ася шла с Вовкой. Он опирался на костыль и что-то рассказывал Асе. А Лёнька с Гошкой шли сзади. Около дома Лёнька решил спросить у Гошки, знает ли он что-нибудь про казарменное положение. Гошка поскреб в затылке и предложил спросить про казарменное положение у бабушки. Когда Вовка распрощался с Асей и поковылял к третьей парадной, они отправились к бабушке.

Конечно, гошкина бабушка знала про казарменное положение только то, что из казармы нельзя уходить в самоволку. Это значит — без разрешения.

Нельзя, потому что за такую самоволку Гошкиного дедушку посадили на гауптвахту. Это было, когда он служил в армии и ушёл без разрешения на свидание с бабушкой. Такая у них была сильная любовь.

Лёнька ушёл от Гошки с твёрдым решением спросить у мамы, за что же его хотела обидеть Ася, услышав про казарменное положение. Он рассказал маме о плачущей Асе, о гибели её отца на фронте, о вопросе о папе и своём ответе про казарменное положение, а также про Асину косу.

Мама выслушала Лёньку и долго молчала. Наконец она сказала:

— Ася — хорошая девочка, ты на неё не обижайся. И запомни: на войне есть фронт и есть тыл. Тыл — это там, где нет войны. Мы с тобой и с папой не в тылу, а на фронте. Каждый из нас может погибнуть. Город окружён фашистами, они бомбят и обстреливают город. Твой папа — начальник штаба МПВО завода, который фашисты хотят уничтожить, потому что на нём делают военную технику. Понял? А если понял, то не обижайся на Асю, она тоже всё поймёт.

И Лёнька понял главное, что мама у него — замечательная.

БРАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Первым перестал ходить в бомбоубежище на занятия Вовка. Он сказал, что у него болит вывихнутая нога. Потом не пришла Ася: у неё заболела мама. А когда простудилась учительница, весь класс перестал ходить в бомбоубежище.

Лёнька с Гошкой ходили на пляж за дрoвами для плиты. Лазили на крышу во время тревоги. На топчане Гошкиной бабушки листали Библию.

Однажды бабушка, собираясь на Смоленское кладбище, спросила Лёньку:

— Скажи-ка, друг любезный, а бывал ли ты в храме?

— Это где? — не понял Лёнька.

— Это не где, а в церкви, — поправила его Гошкина бабушка. — А ну-ка пошли!

И они пошли на Смоленское кладбище пешком, вдоль трамвайной линии в сторону реки Смоленки, мимо огородов. И вдруг Лёнька увидел большую канаву. Длинную, почти до вала на берегу Смоленки. В канаве стояла машина, из которой выгружали людей. Люди были мёртвые, голые, их из кузова сбрасывали в эту канаву.

— Смотрите, это что? — спросил бабушку Лёнька.

— Эта траншея — братская могила, в ней хоронят погибших при бомбежках и обстрелах, — ответила Гошкина бабушка и перекрестилась.

— А нашу бабушку хоронили в гробу и в отдельную могилу, а не в общую канаву. Или, как её, траншею, — сказал Лёнька.

Гошкина бабушка посмотрела на Лёньку, вытерла слезы и грустно сказала:

— Если каждого убитого на войне хоронить в отдельной могиле, на земле не останется места для живых, вся земля будет кладбищем. Ну, пошли, не надо вам на это смотреть.

И они пошли на Смоленское кладбище. В церковь.

Лёнька был в церкви только один раз. Он не любил вспоминать об этом. Давно, когда-то, он ушел из детского сада, не дождавшись прихода мамы. Пошёл прямо, куда глаза глядят, и увидел дом. Широкие двери были открыты, внутри горел яркий свет и кто-то пел. Лёнька зашёл в дом и стоял, разинув рот.

— Ты что тут делаешь? — услышал он. Это была соседка тёти Мани, у которой они тогда жили.

Соседка привела Лёньку домой. А там плакала мама, её успокаивала тётя Маня. Лёньку хотели наказать, но соседка просила этого не делать, потому что малыш ушёл

из детства не куда попало, а в церковь. К Богу. За это наказывать грех.

После этого случая Лёнька в церкви не бывал.

Гошкина бабушка в церкви поставила его и Гошку перед иконой и шепнула:

— Просите Бога о милости, — и пошла к распятию.

Лёнька просил Бога, чтобы у Аси правилась мама, чтобы на папин завод и мамин институт не падали бомбы, и чтобы все фашисты подошли. И всё. Больше ему ничего не надо.

БУРЖУЙКА

Лёнька не любил осень. Холодно и сыро. То ли дело зима! Можно на лыжах через огорды дойти до вала на берегу Смоленки и съезжать с горки со свистом. А осенью что? Топай в галошах по лужам и скучай.

Раньше, то есть до войны, в это время уже работала кочегарка и её движок уютно ворчал под полом дворца имени Романыча. А этой осенью батареи холодные, потому что, как сказали Лёнькиной маме в жакте, угля нет, а кочегары на фронте. Поэтому в квартире произошло переселение. Соседки с детьми и бабушкой перебрались на кухню. На кухне топили плитку, и там было тепло. Дети спали на столах, соседки — на матрасах на полу, а бабушка, как раньше, на плите.

А к Лёньке наконец-то приехал папа. Он поцеловал маму и Лёньку, спросил:

— Ну, признавайтесь, замёрзли, небось?

— Небось, мёрзнем понемножку, — осторожно пошутил Лёнька, — не лето, небось.

Тогда папа затащил в комнату мешок, из которого торчали две трубы.

— А что это? — удивился Лёнька.

— Это буржуйка, — опередила папу мама, а папа достал из мешка две трубы и маленькую печурку на четырёх ножках, с дверцей и короткой трубой. На неё папа надел ещё одну трубу. Потом папа достал из мешка четыре кирпичика, поставил на них печку, соединил трубы и высунул трубу в форточку.

— Мы так и будем жить с открытой форточкой? — спросила мама. — Зачем тогда буржуйка?

Папа вышел на улицу, и вдруг Лёнька увидел его в окне. Папа надел на торчащую из форточки трубу лист железа и приколотил его к раме.

— Вот и всё, — объявил он, входя в комнату. — Топите на здоровье, а я пошёл. Дела у меня, сын.

— А ты ушёл в самоволку? — испуганно спросил Лёнька. — Без разрешения? Тебя не посадят на гауптвахту?

Папа рассмеялся, потрепал Лёнькину чёлку и сказал:

— У нас без разрешения только мухи летают, да и то летом.

Папа поцеловал маму, чмокнул Лёньку в щеку и уехал на своё казарменное положение. А Лёнька решил, что папа у него тоже замечательный.

Лёнька внимательно осмотрел буржуйку. Открыл и закрыл дверцу, похлопал по трубе и спросил маму:

— А почему она буржуйка?

— Это я знаю, — улыбнулась мама, — называют буржуйкой, потому что она много берёт и мало даёт.

— Это как? — не понял Лёнька. — Что берёт и что даёт?

— Берёт много дров и даёт мало тепла, да ещё и остывает быстро, — пояснила мама и добавила: — Поэтому поищи-ка ты на дворе пару кирпичей и тащи их сюда.

— Зачем? — удивился Лёнька. — Вон целых четыре штуки.

— А затем, что она будет быстро остывать, а мы положим кирпичи на буржуйку, кирпичи нагреются и будут хранить тепло.

«Ай да мама, — подумал Лёнька, — сразу видно, что учёная».

Лёнька сбегал за кирпичами, потом принёс с пляжа выброшенные водой щепки и куски древесины. А потом они затапили буржуйку.

Но буржуйка сразу показала свой скверный характер. Весь дым почему-то пошел не по трубе на улицу, а в комнату. Мама открыла дверь в коридор. Тогда дым из комнаты повалил в коридор. Пришлось открыть дверь на лестницу. Весь дым улетел на лестницу, а дрова в буржуйке вдруг разгорелись, и дыма как не было. Остался только запах.

Не успели Лёнька с мамой порадоваться, как в коридор вышла соседка Полина и возмутилась: — Вы что с ума сошли, что ли? На кухне маленькие дети, а вы двери на улицу разинули. Они же простудятся!

Мама объяснила соседке, что если они закроют дверь, то дым пойдёт в комнату, потом в коридор, потом в кухню. Как только буржуйка прогорит, дверь будет закрыта.

Когда соседка Полина ушла на кухню, мама сказала:

— Ну, Романыч, тебя спасает только твое казарменное положение!

— А почему она дымит? — спросил Лёнька.

— Потому что тяги нет! — сердито ответила мама и велела Лёньке завтра выкупить хлеб и пойти к тётке Мане, потому что на карточки ничего не дали.

КОТЛЕТКИ ДЕ ВАЛЯЙ

Тётя Маня встретила Лёньку словами: — А, это ты. Проходи.

В большой-большой тетиманиной комнате Лёнька сразу подошёл к комоду, заглянул в зеркало, потрогал знаменитые дедовские часы и сел за стол.

— Это что у тебя? — спросила тётя Маня.

— Хлеб, — ответил Лёнька, — мама велела.

— Простлый раз ты нарочно забыл хлеб, потому что Юраша пришел? — спросила она с грустной улыбкой. — Помнится, его было в два раза больше.

Врать Лёнька не захотел, поэтому сказал: — Опять норму урезали.

— Я знаю, — тётя Маня стала разжигать керосинку, — всем урезали. А Юраша прислал письмо, пишет, что всё хорошо и чтобы мы с отцом не волновались. Буду тебя кормить как в парижском ресторане:

на первое — суп картофляй из последних трех картошин, а на второе — котлетки де валяй.

Когда Лёнька всё съел: и суп, и котлетки — он поинтересовался, а почему котлетки «де валяй».

Тётя Маня рассмеялась:

— А потому, дорогой ты мой, что я их сваяла из картофельных очисток, пропущенных через мясорубку, и кофейной гущи от выпитого вчера последнего кофе. Всё, больше кофе нет, картошки нет, и если на карточки ничего не дадут...

Тётя Маня задумалась и вдруг улыбнулась:

— А ты знаешь, в восемнадцатом году я варила Андрианычу кофе из желудей. Но где их сейчас найдёшь?

И Лёнька пообещал:

— Я их вам принесу. А как из них варят кофе?

Тётя Маня достала из буфета деревянную коробку и объяснила:

— Жёлуди очищают от скорлупок, режут на несколько частей, кладут в кофейную мельницу и крутят вот эту ручку. Получаются размолотые жёлуди. Из них варят желудёвый кофе. Вот и всё.

Когда Лёнька шёл домой, он подумал, что тетиманина мельница и есть папина штука с ручкой.

СОСЕДСКАЯ БАБУШКА

Зима пришла как-то неожиданно. Ничем она Лёньку не порадовала. Потому что норму хлеба опять урезали. Лёньке совсем маленький кусочек полагался. А ещё электричество отключилось. А ещё водопровод замёрз. А ещё буржуйку топить нельзя и в комнате не теплей, чем на улице. А еще потому что умерла соседская бабушка. Умерла прямо на плите.

Бабушку завернули в одеяло, под которым она спала, привязали к санкам, и Лёнька с пятилетним Женькой, Полининым сыном, повезли ее к братской траншее. Соседка Полина шла впереди, заложив руки за спину. Она спросила Лёньку:

— Не тяжело?

Но бабушка была лёгкая, и Лёнька только покачал головой в ответ. Они везли бабушку мимо трамвайного кольца, на котором стояли запершенные снегом трамваи. И американки, и старые. Пятилетний Женька по секрету рассказывал Лёньке, что бабушка всё последнее время варила одну и ту же кость, и пила одна этот бульон, и никому не давала. Зато она каждый вечер свала Женьке и его сестрёнке Лизке по кусочку хлеба. По маленькому кусочку. А теперь всё, больше не будет.

Женька закончил свой рассказ, и они подошли к траншее. Соседка Полина спрашивала у женщины: «А что теперь?» А Лёнька подошёл поближе к траншее. Она была заполнена наполовину. В это время к траншее подошли двое мужчин и одна женщина. Они тоже привезли на санках покойника. Один из мужчин зашёл в сарайчик и вернулся оттуда с крепким дядькой.

Женщина вынула из сумки половину буханки хлеба и отдала дядьке. Тот вернулся в сарайчик и с другим, таким же крепким дядькой, принёс гроб.

Покойника отвязали от санок, положили в гроб, накрыли крышкой и опустили гроб в траншею.

Двое мужчин и женщина постояли и ушли, а два крепких мужика вынули покойника из гроба, уложили его в ряды с другими и унесли гроб в сарайчик.

Уходя, один из них сказал Лёнке:

— Ну чего рот разинул? Вали отсюда!

Лёнька пришёл на то место, где осталась соседка Полина и Женька, но их там не было. Лёнька огляделся и увидел, что они уже уходят к дому.

Лёнька догнал соседей и спросил:

— А где бабушка?

— Там где надо, — хмуро ответила соседка Полина и пошла впереди, заложив руки за спину.

ХЛЕБ

Каждый день, когда мама уходила на работу в свой научный институт, Лёнька ждал открытия ларька, в котором продавали хлеб по карточкам. Ждал и думал о еде. Теперь он всегда о ней думал. Вспоминал, как до войны они всей семьёй обедали в пятой столовой. Отец потирал руки и говорил: «А мужикам солянку».

Солянка — это такой суп. В нём плавали кусочки мяса, кусочки колбасы, кусочки сосисок и ещё много всякого. Но Лёнька хлебал только жижу. И сегодня, вспоминая эту солянку, Лёнька думал, какой же он был дурак: столько еды пропадало зря! А вот папа накладывал в ложку горчицу, размешивал её в солянке и весело говорил Лёнке: «Ну, приступим к процедуре питания». И съедал всё. Он показывал Лёнке пустую тарелку и говорил: «В столовой надо съедать всё, а то повар обидится».

Но Лёнька всегда хлебал только жижу, о чём теперь жутко жалел.

Потом он шёл в ларёк, получал свои сто двадцать пять граммов и дома разрезал этот небольшой кусочек хлеба сначала вдоль, а потом несколько раз поперёк. Получалось, как казалось Лёнке, много маленьких кусочков. Уложенные на блюдец, они привораживали Лёньку, но он не ел всё сразу.

Сначала нужно было набрать во дворе в кастрюльку снега. Потом зажечь керосинку. Поставить на неё кастрюльку и ждать, когда вода закипит. Кипяток наливался в чашку с нарисованным цветком, и только после этого Лёнька приступал к неспешной еде.

Однажды, съев последний кусочек, он вдруг вспомнил слова Бабани о приглашении на блины. Лёнька знал, где находится Гончарная улица, знал, где дом и где квартира на втором этаже. В этот день Лёнька решил пойти к Бабане на блины.

НАХОДКА

Лёнькин папа учил Лёньку: «Если решил, сделай. А иначе зачем мозгами шевелил?» Поэтому в один из морозных дней Лёнька пошёл на Гончарную улицу.

Дорога длинная. Лёнька шёл, шёл. И вдруг остановился. На другой стороне улицы стоял дом без передней стены. Все комнаты, столы, кровати, а в одной комнате даже рояль были напоказ. Не было только людей.

Лёнька постоял перед этим домом и подумал: не повернуть ли обратно?

И тут к нему подошёл мужчина в зимнем пальто с лохматым воротником и без шапки. Вместо шапки у него был намотан шарф, так как будто у мужчины болели зубы. А волосы у мужчины были длинные, до плеч, и седые.

— Вы, юноша, тоже из этого дома? — спросил он.

— Нет, я с Голодая, — ответил Лёнька.

— А я из этого. Вон там, на третьем этаже, рояль видите?

Лёнька кивнул.

— Это моя комната. Вчера вышел из дома. Через два часа вернулся, а тут такое...

Мужчина вздохнул и пошёл к дому. Лёнька тоже повернул в сторону Голодая.

— А вы не боитесь ходить один по городу? — вдруг спросил мужчину.

— А чего бояться? — Лёнька потёр варежкой щеку и не спеша отправился в обратный путь.

Мужчина развёл руки:

— И, в самом деле, чего теперь бояться...

А Лёнька шёл и думал, почему он решил, что у Бабани есть блины? Если они и были, то давно съедены. Сколько времени прошло! И Лёнька принял, как говорил папа, командирское решение: к Бабане на Гончарную не ходить. А раз решил, то так и сделал.

Лёнька добрёл до Малого проспекта. Остановился отдохнуть. На минутку. Посмотрел под ноги — и ахнул. Ахнул, потому что увидел под тонким слоем льда хлебную корку. Лёнька подумал, что хлеб ему мерещится. Он опустился на колени, снял варежку и стал лупить лёд. Хлеб оказался настоящим. Небольшой кусочек. Корка и немного промёрзшей мякоти.

Лёнька спрятал корку в варежку, чтобы оттаяла. Сначала в одной варежке, потом в другой. И по дороге уговаривал себя попробовать найденный хлеб. А вдруг он какой-нибудь ненастоящий? Лёнька шёл и отщипывал крошечку. Когда подошёл к парадной, в варежке ничего не осталось. И вот тут он вспомнил, что решил оставить корку до прихода мамы. Решил, но не сделал.

Зато вечером, когда пришла мама и предложила Лёнке, как всегда: «Ну, человек, давай по крошке с кипятком», Лёнька попытался отказаться. Он рассказал маме о хлебной корке, что, мол, он уже съел эту корку...

Но мама обняла Лёньку, шепнула: «Ах, ты мой хороший», — и они пили кипяток из снега и ели мамин хлеб, кусочек которого она всегда приносила с работы.

Вот такая у Лёньки замечательная мама. В этот вечер Лёнька решил, что к Бабане он не пойдёт, а вот к маме в научный институт пойдёт обязательно.

МАМИН ВЫГОВОР

Дорогу к маминemu институту и папиному заводу Лёнька проходил каждый Первой мая вся семья отправлялась на демонстрацию. В Гавань. Шли пешком до Смоленского кладбища, а потом через него до папиного завода. «Шаг, другой — и прибыли», — так говорил Лёнькин папа. А мамин институт и папин завод располагались рядышком. Разделял их забор с колючей проволокой. Когда Лёнька спросил папу,

зачем проволока, папа сказал, что проволока для того, чтобы мама не перелезла через забор. После этих слов родители почему-то смеялись.

Ходить на демонстрацию Лёнке очень нравилось. Папина колонна шла впереди, а мама — следом. Лёнька перебежал от мамы к папе, пел в обеих колоннах и даже пробовал танцевать с мамой на остановках танец, который назывался вальс. Но у него плохо получалось, хотя он старался изо всех сил.

В этот день Лёнька шёл опять мимо трамвайного кольца четверки, где стояли заперенные снегом вагоны, потом мимо братской траншеи до кольца трамвая номер 11. На всём Ленинском пути лежали завернутые в одеяла и простыни мёртвые люди. На Смоленском кладбище они лежали по обе стороны протоптанной в снегу дорожки. По этой дорожке Лёнька добрёл до маминого института, посмотрел на папин завод и вошёл в проходную института.

— Ты куда? — спросила его женщина в черной шинели, подпоясанной ремнём.

Лёнька назвал мамину фамилию. И мама пришла.

Они поднялись на третий этаж. Мама ввела Лёньку в комнату. Комната называлась лабораторией. В ней стоял длинный стол, а вдоль стен — шкафы с разной стеклянной посудой. Лёнька знал название только двух сосудов. Пузатая с длинным горлышком называлась колбой. А тоненькая и длинная называлась пробиркой.

Мама велела Лёнке сесть на стул и никуда не ходить. Потом она взяла пузатую колбу и ушла. Лёнке надоело сидеть на стуле, он встал, походил по лаборатории, осмотрел шкафы и заглянул в соседнюю комнату. А там вся мебель была сдвинута и посредине пола зияла большая дыра. Лёнька не стал заходить в эту комнату. Он закрыл дверь и сел на стул.

А тут и мама вернулась. В пузатой колбе было что-то похожее на молоко.

Лёнька обрадовался, но мама сказала, что это не молоко, а дрожжевой суп. Лёнька никогда не ел суп из дрожжей. Пока мама грела суп на спиртовке, Лёнька не удержался и спросил про дыру в соседней комнате.

Мама вздохнула и сказала, что дыра в соседней комнате — это её выговор. Причём строгий. Однажды, когда немцы обстреливали город, у мамы шла реакция, и она, нарушив приказ, не пошла в бомбоубежище. Как нарочно, немецкий снаряд попал в здание. Он пробил крышу, пробил потолок, застрял в полу и не взорвался. Снаряд безвредили, а маме объявили выговор за нарушение приказа по институту.

Мама разлила горячий суп в пробирки, достала кусочек хлеба и разделила его пополам.

Лёнька пил дрожжевой суп маленькими глотками и говорил маме, что, когда кончится война и фашистов расколшат, а в магазинах можно будет покупать хлеб без карточек, и сколько хочешь, они с мамой купят много-много буханок хлеба, принесут их сюда, перевернут стол вверх ногами, уложат буханки в стол до верха ножек и станут есть хлеб, пока не съедят весь. Мама слушала Лёньку и грустно улыбалась.

А потом через Смоленское кладбище они шли домой, той же тропой. Но дойти до дому не успели. Начался налёт. Лёнька и мама стояли под козырьком дома, что напротив армянской церкви. Лёнька смотрел,

как прожекторы режут чёрное небо, отсыкивая фашистские самолеты.

И вдруг он вспомнил о снаряде. А если бы он взорвался! Лёнька схватил рукав маминой шубы и не выпускал его до самого дома.

Теперь Лёнька ложился спать не раздеваясь. Он закрывал глаза и представлял, будто он и Гошка, лучший друг на всю жизнь, садятся в самолёт и летят бомбить Гитлера.

Полетели они и в этот раз. Они бомбили Гитлера, пока не кончились бомбы.

— А что у нас есть еще? — спросил Лёнька своего друга.

— Осталась только колба с дрожжевым супом, — ответил Гошка.

— Бросай! — приказал Лёнька. Колба полетела вниз и разбилась прямо о голову Гитлера. Гитлер был весь в дрожжевом супе, а Лёнька тихо смеялся во сне. Тихо, чтобы не разбудить маму.

КОКОСОВОЕ СЧАСТЬЕ

Теперь Лёнька ходил только до ларька и обратно. Приносил хлеб домой. Разрезал его на маленькие кусочки, надеясь продлить радость общения с хлебом. Но хлеб почему-то, несмотря на все его старания, быстро кончался. И тогда Лёнька начинал искать что-нибудь съедобное. В столе, в шкафу, в комодке и даже под кроватями. В этот день Лёнька нашёл под своей кроватью портфель, заброшенный туда в последний школьный день.

Он вытряхнул всё из портфеля, и оттуда высыпались жёлуди.

«Вот это да! — подумал Лёнька. — Как же я про них забыл?»

Лёнька съел несколько штук, спохватился и решил оставить жёлуди до прихода мамы. А ещё он вспомнил, что обещал принести их тётке Мане.

Когда пришла мама, Лёнька велел ей закрыть глаза и подставить ладони.

Он насыпал в мамины ладони оставшиеся жёлуди и разрешил открыть глаза. Мама увидела жёлуди и удивилась: «Откуда?»

Лёнька рассказал маме историю сбора желудей и про Вовку. В конце он сказал, что тётка Маня хотела из этих желудей сварить кофе.

Мама высыпала жёлуди на стол и ничуть не расстроилась, а, даже наоборот, вроде обрадовалась.

— Вот и хорошо, — сказала она и достала из сумки кулёк. — Жёлуди — тётке Мане, а мы будем варить кокосовую кашу.

Мама развернула кулёк и показала Лёньке что-то похожее на манку, только другого цвета. Лёнька убрал жёлуди в портфель и принёс снегу со двора.

Мама поставила кастрюльку со снегом на керосинку и, когда снег растаял, бросила туда две столовых ложки кокосовой крупы, а может, муки. Мама точно не знала. Они заглядывали в кастрюльку и ждали, когда же начнёт свариваться каша. Вода закипела, крупинки плавали в воде, и всё. Никакой каши не получалось. Тогда Лёнька предложил добавить ещё ложку, может, хоть какой-никакой супчик получится.

Мама бросила ещё одну ложку в кипящую воду — и вдруг в кастрюльке загустело варево и получилась каша серого цвета.

Мама и Лёнька ели это «кокосовое счастье», так назвала мама муку и ужасно жалели о пропавших зря первых двух ложек муки.

В этот вечер передали по радио, что товарищ Сталин дал обед в честь какого-то посла. Лёнька лёг в кровать и представил, как товарищ Сталин и посол едят солянку. Товарищ Сталин съел солянку и сказал послу папиным голосом: «Надо съесть всё, до последней крошки, а то повар обидится».

После этого Лёнька полетел с лучшим другом Гошкой бомбить Гитлера.

СНАРЯД, КОТОРЫЙ ВЗОРВАЛСЯ

Незаметно прошёл Новый год. Прошёл без ёлки, мандаринов и игрушек. Вроде был Новый год, а вроде и не было. Потом прошёл январь. Это был морозный, но хороший месяц, потому что увеличили норму хлеба.

Но для Лёньки ничего не изменилось. Он каждый день ходил в ларёк, приносил хлеб, разрезал его на маленькие кусочки. Медленно ел, стараясь растянуть общение с хлебом до прихода мамы. Но ничего не получалось. Хлеб съедался раньше.

В этот февральский день Лёнька услышал в очереди за хлебом, что скоро весна, а весной появится крапива и другая трава. Можно суп сварить.

Лёнька нёс за пазухой свой кусок хлеба и думал о крапиве. Как же можно варить из неё суп, если она жжётся?

Когда Лёнька подошёл к своей парадной, он увидел женщину. Она сидела на сугробе напротив гошкиной парадной. Лёнька сразу догадался, что это Гошкина бабушка. Он подошёл и сел рядом. Гошкина бабушка посмотрела на Лёньку и тихо сказала:

— Это ты, Лёня. Видишь, сию и не могу встать. Ноги как ватные.

Лёнька встал, чтобы помочь.

— Нет, давай посидим чуток, а потом попробуем.

Гошкина бабушка сняла варежку, заправила волосы под платок и вдруг заплакала:

— Георгий-то в госпитале. Собирает на пляже щепки и палки на растопку. И, представь, какой-то шальной снаряд грохнул около вашей школы. Георгия ранило. Два осколка. В ноги. Хорошо, откуда-то там оказались матросы. Они и доставили его в госпиталь. Туда работать ушла его мама. Говорят, ничего, поправится Георгий. Ну, давай попробуем.

И они попробовали. Гошкина бабушка опиралась на Лёнькино плечо. Маленькими шажками они дошли до парадной, потом долго поднимались на второй этаж. Гошкина бабушка села на последнюю ступеньку и сказала:

— Ну, теперь-то я доберусь. А ты, Лёня, — хороший мальчик. Спасибо за помощь. А то осталась я одна. Ну, иди домой. И живи долго. Обещаешь?

Гошкина бабушка перекрестила Лёньку, и он пошёл домой.

Он ждал маму, чтобы узнать, где находится госпиталь, куда доставляют раненых. А ещё спросить, можно ли варить суп из крапивы, потому что весна скоро.

Но ничего спросить не успел. Мама вошла и сразу потребовала:

— Собирайся, Лёня, мы уезжаем.

— Куда уезжаем? — удивился Лёнька. — Зачем уезжаем?

— Кто у нас самый главный в семье? — спросила мама.

— Папа, — честно ответил Лёнька.

— Правильно, — сказала мама, — папа считает, что нас надо спасать, а то у тебя один нос остался.

— А куда спасать? — спросил Лёнька.

— В тыл. Где нет войны.

ОТЪЕЗД

Мама взяла Лёньку на санках. Он сидел на чемодане. В зимнем пальто, в ушанке, поверх ушанки мама повязала свой платок. На ногах валенки.

Мама взяла Лёньку мимо запорошенных трамваев, мимо братской могилы, мимо мёртвых людей, завернутых в одеяла и простыни. Около папиного завода стояли три машины с крытыми кузовами, выкрашенными в белый цвет. Папа стоял возле второй машины.

— Опоздываете! — сказал он строго. — А это что за кулёк? Разве так выглядит боец Ленинградского фронта?

Папа достал из-за пазухи свою будёновку, откинул с ушанки мамин платок, отдал его маме и надел на Лёнькину голову будёновку. Потом он снял свои краги-перчатки и надел их прямо на Лёнькины варежки. Он отошёл на шаг, осмотрел Лёньку и остался доволен:

— Вот так должен выглядеть боец Ленинградского фронта! — сказала папа и по-мог Лёньке забраться внутрь машины.

Следом за ним последовал чемодан. Потом мама. Папа убрал лестницу, заглянул в машину и тихо пожелал Лёньке и маме безопасной дороги через Ладожское озеро.

— А как же ты? — спросил Лёнька.

— Должен же кто-то защищать Ленинград, — ответил папа и добавил: — Дверь пусть будет открытой.

И машина поехала. Папа стоял с поднятой рукой. Потом машина свернула, и папа остался у заводских ворот. Лёнька чуть не начал плакать, но вспомнил папины слова: «Сила воли — это когда хочется, но нельзя».

ОПАСНЫЙ ХЛЕБ

По льду Ладожского озера машины ехали ночью. В каждой машине по несколько человек. Мама объяснила Лёньке, что машины — это фронтовые радиостанции. Они отправляются на фронт.

Лёнька хотел спросить маму, как же радиостанции попадут на фронт, если они едут в тыл? Хотел, но передумал. Зато он спросил:

— А почему дверь открыта?

— На всякий случай, — сказала мама, — мало ли что.

До другого берега Ладожского озера машины доехали под утро.

— Это и есть тыл? — спросил Лёнька.

— В тыл мы поедим на поезде, — ответила мама и ушла оформлять вместе со всеми взрослыми эвакодокументы. Лёнька

получил приказ сидеть на чемодане и никому да не уходить.

Лёнька осмотрелся и понял, что никакой это не тыл. Потому что были здесь и разбитые дома, и военные машины с красноармейцами. А еще какие-то странные военные... Можно было бы спросить, кто они такие, но уходить было нельзя. И тут к Лёньке подошёл красноармеец.

— Скажи-ка, ты не у Володарского моста живёшь?

— Нет, я с Голодая.

— У меня в городе такой же остался, — сказал красноармеец. — Ты сиди, никуда не уходи, я тебе хлеба принесу. Может, и моему сынку кто-то хлеба даст.

— А кто эти? — спросил Лёнька и показал на странных военных.

— А это испанцы-засранцы. Отвоевались, — ответил красноармеец и убежал.

Лёнька сидел на чемодане, запелёнутый в мамин платок, в папиной будёновке и папиных крагах-перчатках. Он ждал обещанный хлеб. Где-то началась стрельба, и Лёнька понял, что это ещё не тыл. Скорее к нему подошел красноармеец и спросил:

— Пацан, это ты с Володарского?

— Нет, я с Голодая.

— Ну, всё равно, раз в будёновке, значит ты. Тебе хлеб обещали? — красноармеец вынул из-за пазухи полушубка краюху хлеба, сказал: — Держи, малец, Андрюху ранило, а то бы он сам принёс. Ничего, его не шибко...

Лёнька спрятал краюху в папину перчатку и сразу стал выщипывать из краюхи мякоть. Пока мама занималась эвакуационными документами, Лёнька незаметно почти всю мякоть съел. Когда мама пришла, Лёнька отдал ей остаток краюхи, и они пошли к поезду, который мама назвала эшелоном.

— А вот и наша теплушка, — сказала мама, — давай-ка забросим в неё чемодан.

Но Лёнька ничего никуда не мог забрасывать, у него так схватило живот, что он сел на снег и заплакал. Из теплушки выглянула женщина, спросила, в чём дело? Мама посмотрела на Лёньку и ничего не ответила. Она с трудом подняла чемодан, сунула его в теплушку, схватила Лёньку за руку, и они пошли вдоль поезда. Лёнька не хотел идти, плакал, падал, но мама тащила его, умоляла, что надо ходить обязательно, а то будет заворот кишок.

Они обошли эшелон три раза и забрались в теплушку, когда паровоз прогудел три раза.

Лёньку уложили на нары, он поджал колени к животу и слушал, как соседка мамы по нарам выговаривала ей:

— Куда же вы смотрели? Он же умереть может.

ТЕПЛУШКА

Лёнька лежал на нарах, а вокруг него была теплушка. Через четыре маленьких окошка в теплушку пробивался свет дня. С обеих сторон от больших дверей были нары из досок. На нарах лежали женщины и дети, а внизу под одними нарами расположилось несколько мужчин. Под другими нарами лежала куча угля. Не такая большая, как около кочегарки под окном дворца имени Романыча, но всё-таки ничего себе. А посредине теплушки стояла буржуйка. Совсем не похожая на папину. Она была вроде бочонка,

из которого торчала труба. Эта труба протыкала крышу теплушки, и, наверно, поэтому была тяга. Буржуйка топилась углём, и в теплушке было тепло.

Лёнька лежал на нарах, слушал, как мамин соседка выговаривает маме за съеденный им хлеб, и думал, что умирать ему никак нельзя, потому что папа на прощанье шепнул ему: «Ну, сын, теперь ты самый главный в семье. Береги маму».

В этот день для Лёньки с Голодая закончилась война. Эшелон увозил его всё дальше и дальше от Ленинградского фронта в далёкий незнакомый тыл, где совсем нет войны.

ЛЁНЬКИНА БЕДА

Теплушка, подрагивая на стыках рельс, катилась на восток. Лёнька выжил. Но ничего не мог есть. Совсем ничего. Только пил кипяток. Когда на больших станциях с эвакуантов приносили еду, Лёнька отворачивался к стенке теплушки и тихонько плакал. Такая случилась с Лёнькой беда. Мама утешала Лёньку:

— Потерпи, сынок, это скоро пройдёт.

И Лёнька терпел. Он верил маме. Если мама сказала, что это скоро пройдёт, значит пройдёт. Он не хотел плакать. Но оно как-то само плакалось.

ПАПИН КОТЕЛОК

На одной из станций сказали, что на эвакуационном пункте будут выдавать горячую пищу, нужно брать с собою посуду. А у Лёньки с мамой из посуды были две ложки, две кружки, столовый ножик и папин котелок. Вот и всё. Больше ничего не было. Зато папин котелок был замечательный. Папа привез его из Красной Армии, когда вернулся со службы. Папа говорил, что котелок после винтовки для красноармейца на первом месте. Не зря же на внешней части дна котелка было выбито: украдено из тридцать третьего полка. Вот какой замечательный котелок! Его ни за что нельзя украсть.

ГРЕЧНЕВЫЕ ЩИ

Вот с этим котелком мама и пошла на эвакуационный пункт за горячей пищей. А там раздатчица ей говорит: — Что же вы с одним котелком пришли? У нас для вас сегодня щи и гречневая каша. Щи в котелок, а кашу куда?

А мама ей отвечает:

— И кашу в котелок.

— Как же так, — говорит раздатчица, — всё же перемешается.

— Ну и что же, — отвечает ей мама, — в животе всё равно всё перемешается.

И раздатчица бухнула в котелок сначала щи, а потом гречневую кашу. Так получились «гречневые щи». А ещё мама принесла ситный. Это такой белый хлеб, но только не в виде батона, а буханкой. Пахучий, мягкий, с коричневой, блестящей корочкой. Замечательный ситный! Но Лёнька не мог его есть. Он попросил маму отрезать ему кусочек, отвернулся к стене и заснул, сжимая ситный в кулаке.

Проснулся Лёнька ночью. В теплушке светилась раскалённая буржуйка. Все спа-

ли. И вдруг Лёньке захотелось попробовать ситный. Он бы и попробовал, но испугался, а если снова...

Лёнька разбудил маму и спросил:

— А можно я съем кусочек ситного?

Но мама не разрешила. Она сняла со здорового гвоздя, зачем-то вбитого в стену теплушки, котелок с гречневыми щами, поставила его на буржуйку, а потом кормила Лёньку как маленького:

— Эту ложечку за папу, эту за маму, а эту за то, чтобы ты поправился. И всё, больше нельзя. Теперь тебе нужно есть понемножку, но часто. Ложись, поспи. Проснёшься, ещё поешь.

Лёнька повернулся к стенке. Закрыл глаза и почувствовал, что чего-то не хватает. Живот не болел.

КАЗАНЬ

Когда утром мама опять кормила Лёньку гречневыми щами, мамин соседка сказала маме:

— Если Лёнька начал есть, значит будет жить.

А Лёнька и не сомневался в том, что он будет жить. А как же! Папа сказал, что он теперь главный в семье. А если главный, то должен жить! Мама покормила Лёньку и повесила папин котелок опять на здоровый гвоздь.

— А зачем этот гвоздь? — спросил Лёнька.

Мама объяснила ему, что теплушка рассчитана на размещение определенного количества лошадей или красноармейцев, а гвоздь, наверно, предназначен для крепления повода, чтобы лошадь стояла на месте. Лёнька сразу сообразил: если на одной стене четыре гвоздя и на противоположной четыре, значит, в теплушке размещаются восемь лошадей. О чём он немедленно сообщил маме. А соседка шепнула маме:

— Лёнька-то поправляется, если лошадей считает.

Однажды Лёнька услышал, как кто-то громко оповестил:

— А вот и Казань!

Лёнька захотел увидеть, какая она — Казань. Он же родился в Казани и ни разу её не видел, потому что мама увезла его из Казани совсем-совсем маленьким. Лёнька посмотрел в одно окно, но напротив стоял эшелон с танками. Лёнька заглянул в другое окно, но увидел эшелон с красноармейцами. А потом их паровоз гуднул и двинулся дальше. Поэтому Лёнька не смог увидеть город, в котором он родился. А жаль. Город, наверно, замечательный!

— А где я родился в Казани? — спросил Лёнька маму.

— В родильном доме, — услышал он в ответ.

— А на какой улице?

— Не на улице, а в Кошачьем переулке.

Мама заметила, что Лёньке не очень-то понравилось место его рождения и шепнула ему:

— Скажи спасибо, что ты родился в Кошачьем переулке, а не в Собачьем.

И Лёнька сказал маме спасибо, потому что родиться в Кошачьем переулке гораздо лучше, чем в Собачьем.

ПРИЕХАЛИ

Ехали они, ехали. Лёнька даже перестал считать дни, так долго они ехали.

Уже весна за окном, а они всё едут. Наконец, кто-то сказал:

— Следующая станция наша, пора собираться.

И все стали собираться. Когда поезд остановился и открылась дверь, Лёнька услышал первый вопрос и удивился:

— Все ли могут идти? — спросили с платформы.

Оказалось, что не все. Мужчина, который находился внизу, под нарами, и которого все называли Женей, идти не мог. Его положили на носилки и понесли к машине. Машина была такая же, как «черезладожская», только без аппаратуры. Вместо аппаратуры внутри были скамейки. Сначала на них положили Женю, а потом разместились остальные. Лёнька сидел около носилок, и инженер Женя улыбался ему. А может быть не ему, а просто радовался тому, что наконец-то приехали. Он даже подмигнул Лёньке, и Лёнька тоже подмигнул Жене.

Вскоре машина остановилась, все вышли из неё и оказались в большом-большом дворе, посреди которого стоял высокий белый дом. Лёнька насчитал восемь этажей. Вот какой замечательный дом.

КАБИНЕТ ДИРЕКТОРА

Со двора всех повели в кабинет директора завода. Сначала они вошли в большую комнату. Она называлась приёмной. Там все разделись и оставили вещи. Потом из кабинета вышел директор и пригласил героических ленинградцев войти в кабинет. В кабинете к директорскому столу с телефонами был приставлен длинный стол. Когда все уселись за этим столом, директор всех поздравил с приездом, сказал, что во дворце труда разместились «кусок» ленинградского завода. Объяснил, что жить можно в общежитии завода, что после размещения по комнатам надо будет пойти в отдел кадров и оформиться на работу.

— А сейчас обед, — закончил директор. У него был очень усталый вид. Высокий, седой, в полувоенной форме, то есть без петлиц, директор извинился и ушёл.

Обед Лёньке понравился: гороховый суп, кусочек мяса с картофельным пюре, компот, а еще полстакана сметаны. Просто замечательный обед!

ОБЩЕЖИТИЕ

У коменданта общежития был насморк.

— Граждане героические ленинградцы, — комендант натянул фуражку на лысую голову, — везе за мной.

И все пошли за комендантом.

— Здесь вы... А здесь вы...

Двери открывались... Двери закрывались...

— А где же мы? — забеспокоился Лёнька.

— А здесь вы, — комендант открыл дверь перед Лёнькиной мамой. Лёнька вошёл в комнату. Она показалась ему большой, но перегороженной двумя простынями. Как

занавесом в театре. За занавесом уже кто-то жил.

На их половине стояли два топчана, с матрасами и постельным бельём. А ещё небольшой столик и две табуретки с дыркой посредине сидения. На полу стояла электрическая плитка со спиралью.

Лёнька хотел заглянуть за занавес, но мама покачала головой. Тогда Лёнька встал перед занавесом и громко произнёс:

— Здравствуй, ты!

Мама улыбнулась. Она сидела на топчане домашняя, добрая с тёплым белым платком на плечах.

И вдруг занавес раздвинулся, и показалась женская голова в цветастом платке. Платок был завязан как-то по-пиратски — через лоб и набекрень.

— Тише вы, оралы-смеялы! — прошипела голова. — Ребёнок спит. Голова тут же исчезла, и занавес закрылся.

Мама с Лёнькой помолчали и стали разбирать чемодан.

— Здесь твоё... А здесь моё, — перераздвигал Лёнька коменданта общежития, и мама улыбалась. Только когда рядом со стопкой Лёнькиных вещичек встала пара его ботинок, мама задумалась и вздохнула. А Лёнька подумал, что ботинки не новые, но еще ничего себе, чего вздыхать-то.

А потом мама ушла в отдел кадров устраиваться на работу.

ХИМИЧЕСКИЙ ЗАВОД

Мама вернулась из отдела кадров расстроенная. Оказалось, что для химика на заводе работы нет. Есть другая работа, но на другую мама не захотела, и ей предложили пойти на химический завод.

Мама пошла на этот завод, и её сразу приняли на работу. Начальником смены. Что это такое Лёнька не знал, но спрашивать не решился. Потому что мама не сказала, что она будет делать на заводе. А раз не сказала, значит, она, как матрос у школы, объяснит, что это военная тайна. Поэтому Лёнька маму и не спрашивал.

А еще мама сказала, что работать она будет по двенадцать часов и готовить не сможет.

— Придётся тебе ходить на завод. Будем обедать вместе в заводской столовой.

Потом мама показала карточки на продукты.

— И в тылу карточки? — удивился Лёнька, — а хлеба сколько?

— Хватит нам с тобой хлеба, — породовала Лёньку мама, — мне восемьсот грамм и тебе четыреста.

— Вот здорово! — вспликнул Лёнька. Тыл начинал ему нравиться.

ШКОЛА

Лёньку приняли в четвёртый класс, хотя он пропустил больше половины учебного года. Школа находилась на проспекте Сталина напротив дворца труда. Но, так как выхода на проспект не было и отсутствовала дыра в заборе, приходилось обходить всю территорию завода.

Лёнька старался, учил все предметы: и русский, и историю, и географию. Но с ма-

тематикой справиться не мог. Поэтому просил помочь маму. Он думал: хорошо, что в классе нет девчонок, а то бы они хихикали над его бессилием при решении задач. А девчонок не было в классе, потому что учение называлось раздельным. Мальчики и девочки учились в разных школах.

Однажды учительница задала на дом задачу: Два токаря точили детали. Один выточил 8 деталей за 24 часа, а второй работал 30 часов. Вопрос: Сколько деталей выточил второй токарь, если норма времени на изготовление одной детали для обоих токарей одинакова. Лёнька ничего не понял и сразу обратился к маме. Мама прочла задачу и сказала, что это очень простая задача:

— Составим пропорцию: $8 : 24 = X : 30$. Помножим 30 на 8 и поделим на 24. Получим — 240 : 24, равно 10. Вот и вся задачка.

Лёнька понял, что он очень отстал в математике, так как ничего даже не слышал о пропорциях. Лёнька честно переписал мамино решение в свою тетрадь. А на уроке его вызвала к доске учительница:

— Расскажи, как ты решил домашнюю задачу.

Лёнька перенёс мамино решение на доску и сказал о пропорции.

— Тебе кто-нибудь помогал? — спросила учительница.

— Мама, — признался Лёнька.

— А кто у тебя мама?

— Химик.

— Понятно, — сказала учительница, — решение правильное, но пропорций мы ещё не проходили. Посмотри, нет ли другого решения, без пропорции.

Этого Лёнька не ожидал. Но делать было нечего. Он посмотрел на доску и брякнул наугад:

— Надо поделить.

— Что на что? — спросила учительница.

Лёнька понял, что 30 на 8 не делится, и ответил:

— Надо поделить 24 на 8.

— Правильно, — согласилась с ним учительница, — получилось 3 часа. Это норма времени изготовления одной детали. Что дальше?

Лёнька догадался, что учительница ему помогает. Он поделил 30 на 3 и получил мамин ответ — 10.

— Молодец, — похвалила его учительница. — Садись, ставлю тебе пятёрку. Кто еще решил так же задачу?

Весь класс поднял руки. Это была первая отличная отметка, полученная Лёнькой в тылу.

ПИОНЕРСКИЙ ЛАГЕРЬ

Хотя отметки у Лёньки были неважные, он всё-таки перешёл в пятый класс, а в каникулы поехал в пионерский лагерь. Он располагался в двух больших деревенских избах. В комнатах стояли топчаны и табуретки с дыркой посредине, совсем как в заводском общежитии. Лёньку назначили председателем совета отряда и горнистом. Лёнька признался, что дудеть он не умеет. Но ему вручили горн и сказали: «Раз тебя назначили председателем совета отряда, должен уметь». Лёнька быстро научился выдувать: «Вставай! Вставай! Штанишки

надевай!» Это утром. «Бери ложку, бери хлеб! Собирайся на обед!» Это днём. А вечером протяжно выдувал: «Отбой».

Поначалу всё шло хорошо. Конечно, хлеб горчил, потому что был с лебедой. Овсяную кашу ребята прозвали «кашей-плой». Потому что овёс был плохо очищен. Старшие ребята ловили рыбу в речке колхозным неводом. А повар жарил её на большом противне. Доставалось всем понемногу, но все понимали: война!

Лёнькин отряд выпустил стенгазету и подготовил два номера для концерта, который должен состояться в родительский день. Один номер подготовил Лёнька. Во время концерта мама сидела рядом с директором завода. Лёнька читал рассказ Зощенко «Баня». Родители так смеялись, что даже Лёнька не смог удержаться и тоже сам себе подхихикивал. А потом Лёньке дружно хлопали, и директор сказал маме:

— Ну, Лёнька твой, насмешил, видать, артистом будет.

Лёнька радовался успеху, но радость продлилась недолго. Когда ребята приехали в колхоз, всех предупредили, чтобы ничего колхозного не брали. Поначалу и брать-то было нечего, а когда около забора вырос подсолнух, его сорвали, и семечки слугзали под крыльцом. Когда это обнаружилось, то двоих ребят из Лёнькиного отряда обвинили в краже подсолнуха. Но виноватым оказался Лёнька, так как не уследил. И перед всем лагерем с Лёньки сорвали председательские лычки и разжаловали в барабанщики. На следующий родительский день Лёнька потребовал, чтобы мама его увезла из лагеря:

— Пусть сами дудят и барабанят, — сказал Лёнька маме.

Мама сообщила руководству лагеря, что у Лёньки отцовский характер, и если он принял решение уехать, значит его надо увозить, иначе убежит.

И они с мамой уехали из пионерского лагеря. Причём Лёнька попросил маму больше никогда не отправлять его в пионерский лагерь. Мама обняла Лёньку и пообещала:

— Никогда не буду.

САБО

По дороге из пионерского лагеря мама посмотрела на Лёнькины ботинки и ахнула. Одна подошва оторвалась и была подвязана верёвкой, а вторая тоже «просила каши».

— Придётся просить ордер на ботинки, — вздохнула мама, — может быть, дадут.

А на следующий день она вручила Лёньке пару ботинок.

Сначала Лёнька обрадовался, а потом удивился. Верх ботинок был матерчатый, а подошва деревянная.

— Что это? — спросил он.

— Это сабо, — пояснила мама. — Деревянную обувь носили когда-то в Голландии, а теперь будешь носить ты. Пока ордер на ботинки не дадут. Обещали.

Ходить в ботинках с деревянными подошвами, которые не гнулись, Лёнька учился целый день, топя по коридору общежития. А когда пошёл к маме на завод обедать, то его сабо так стучали по деревянному тротуару, что прохожие оборачивались. Но делать было нечего. Лёнька топал в своих сабо от дворца труда до химзавода по де-

ревянному тротуару мимо сапожника, что сидел в конце улицы Щетинкина, потом мимо толкучки у железнодорожного переезда, а там совсем рядом. Обедали они с мамой в итээрзовской столовой. Как объяснила Лёньке мама, это столовая для инженерно-технических работников. В этот день мама смотрела, как Лёнька гоняет ложкой макаронину в тёмной жиже супа, вздохнула и пообещала: когда они вернутся в Ленинград, то сварит Лёньке настоящий суп — Рататуй.

На обратном пути Лёнька остановился около сапожника, пожилого, в клеённом переднике. Он сидел на табуретке, рядом стоял стул для клиентов, а всё хозяйство сапожника разместилось на ящике, поставленном на ребро. Там был молоток, нож, железные банки с разными гвоздями, шило и моток ниток. Сапожник пытался просунуть иголку с ниткой внутрь туфельки. Но туфелька была узенькая, и рука сапожника в неё не лезла, потому что указательный палец на правой руке сапожника был «негнучим», как у зяблицкого Ионьча.

Наконец, поняв, что ничего у него не получается, сапожник бросил туфельку, посмотрел на Лёньку и вдруг сказал: — Ну, чего понапрасну стоишь столбом! Видишь, ничего не выходит, попробуй-ка ты, рука у тебя маленькая.

Сапожник протянул Лёньке туфельку и объяснил, как надо действовать.

Лёнька положил на ящик завернутый в газету бутерброд с котлетой, разрезанной вдоль, взял нитку с двумя иголками на концах и прошил по заводским дырочкам попнувший шов оголовка туфельки. Он показал сапожнику свою работу:

— Молодец! — похвалил его сапожник, — как тебя звать-то?

Лёнька назвал себя:

— А что у тебя в газете?

Лёнька сказал.

— А можно половинку?

— Пожалуйста.

— Откуда ты такой вежливый?

— Из Ленинграда.

— Уважаю ленинградцев, а москвичей нет. Шибко гордые, — сапожник отломил половину бутерброда, завернул остаток в газету и предложил:

— Ты приходи, будешь мне помогать. Согласен?

Лёнька кивнул.

— Зови меня Фомичом, — сказал сапожник. — А вот и хозяйка туфельки, спешит, торопится красавица, фик-фок на один бок.

Молодая женщина, в шляпке на высокой причёске, спросила:

— Ну как, получилось? — Она увидела починенную Лёнькой туфельку и так всплеснула руками, что чуть не выронила сумочку, похожую на ридиколь Бабани. — А говорили, что трудно, что не получится. А вон как у вас прекрасно-хорошо получилось!

— Это не у меня, это у моего помощника получилось, — сказал Фомич и подмигнул Лёньке. Женщина расплатилась с Фомичом, поблагодарила Лёньку и заспешила в сторону толкучки. Фомич посмотрел на Лёнькины сабо, сказал весело:

— А ну, снимай свои ступалки, я сделаю так, чтобы они не грохотали, когда ты в них топашь. Приколочу резину от старой покрышки. А потом Фомич отсчитал тридцать рублей и вручил их Лёньке: — Это

тебе за хорошую работу. Приходи. Будешь у меня мастером по модельной обуви.

Лёнька пришел в общежитие и спрятал свой первый заработок под матрас. Он решил заработать у Фомича столько денег, чтобы их хватило на суп Рататуй, который он сварит маме. Только бы узнать где-нибудь, что это за суп — Рататуй. У мамы спрашивать нельзя, потому что это Лёнькина тайна.

ЛЕНИНГРАДСКИЕ БАРЕТКИ

Лёньке нравилась работать у Фомича. А Фомичу нравилось, как работает Лёнька. Конечно, Лёнька видел, что сапожник получает гораздо больше денег за его работу, чем платит ему, но считал, что так и должно быть. Каждый день он приносил заработанные деньги и прятал их под матрас.

А по воскресеньям Лёнька, если повежёт, прятал под матрас больше денег, чем в другие дни. Это потому что Фомич по воскресеньям не работал, но разрешал Лёньке работать одному. Однажды в воскресенье Фомич заработал, как он сказал, хороший куш, но его у него украли, то ли в трамвае, то ли в магазине.

— Это меня Бог наказал за мои грехи, — признался он Лёньке. — А ты работай, ты еще безгрешный, только подмётки не ставь. Запрещая.

В одно из воскресений подошла к Лёньке старушка и подала ему взрыг изношенную обувь, которую назвала ленинградскими баретками. Лёнька хотел отказаться, требовался основательный ремонт. А ставить подмётки Фомич ему запретил. Однако, когда увидел на ногах старушки матерчатые тапочки, передумал.

— Постарайся, сыночек, — попросила старушка, — я в этих баретках из Ленинграда уехала, они и тогда были поношены, а здесь совсем развалились. Очень тебя прошу. А когда сделаешь, принеси, пожалуйста, в дом с жёлтым крыльцом. Он отсюда виден. Старушка ушла, еле-еле переставляя ноги, а Лёнька стал думать, как ему нарушить запрет Фомича. Конечно, Лёнька хотел помочь ленинградской старушке, и, несмотря на запрет, он решил поставить не кожаные, а кожемитовые подмётки и отдать за них деньги Фомичу. Он отремонтировал одну баретку, чтобы завтра показать её Фомичу, и пошёл домой. Дома он спрятал заработанные деньги под матрас, подумал, что скоро можно будет поехать на городской базар и купить всё необходимое для супа, и стал ждать маму. Мама пришла весёлая, она поцеловала Лёньку и вручила ему новенькие ботинки. Лёнька так обрадовался, так обрадовался, что даже хотел лечь с ними спать. И пусть они назывались рабочими, подмётки были резиновыми, кожа верха грубая, но для Лёньки они были самыми замечательными на свете.

РАДОСТЬ ФОМИЧА

В понедельник Лёнька пришёл раньше Фомича. Он разложил на ящике инструменты и с некоторым страхом ждал Фомича, обдумывая, как оправдать нарушение запрета. Но Фомич явился, как показалось Лёньке,

не очень трезвым. Он похлопал Лёньку по плечу и сообщил, что у него большая радость. С фронта вернулся сын. Без ноги, но живой! Фомич не стал слушать Лёнькины объяснения о кожемитовых подмётках для ленинградской старушки.

— Делай что хочешь, — сказал он, — сегодня у меня праздник! Но только сегодня. Работать не буду, пойду на смотрины. К сыну придёт невеста. Дождалась, красавица.

Фомич ещё раз похлопал Лёньку по плечу и ушёл с блаженной улыбкой на встречу с сыном и его невестой.

ДОМ С ЖЁЛТЫМ КРЫЛЬЦОМ

Лёнька старательно отремонтировал вторую баретку, почистил обе ваксой, завернул в фартук Фомича и понёс в дом с жёлтым крыльцом. Возле крыльца стояли две женщины. Они посмотрели на Лёньку, спросили:

— Ты тоже к Андреевне? — Лёнька не знал, как зовут старушку, но, на всякий случай, кивнул.

В сенях тоже стояли женщины в чёрных платках:

— Проходи, — подтолкнули они Лёньку, и он вошёл в комнату.

На столе, накрытая по шею простынёй, лежала ленинградская старушка. К Лёньке подошёл седой мужчина:

— Ты кто будешь? — спросил он. Лёнька развернул фартук и показал баретки.

— Это хорошо, — сказал мужчина, — у тебя в чём в гроб положить.

Он забрал баретки и стал шарить в кармане. Лёнька собрался уходить, но мужчина остановил его:

— Постой, тут Андреевна расписала что кому. Вот, сапожнику, держи. Он протянул Лёньке самодельный конвертик, в котором были деньги. Лёнька отнёс фартук Фомича и тоже отправился домой.

СКАНДАЛ

Лёнька положил под матрас старушкины деньги и твёрдо решил в мамины именины поехать на рынок и купить всё для супа Рататуй. Хотя, что это «всё», Лёнька не знал и принялся придумывать это «всё». В это время на их половину забрела соседская двухлетняя дочка. Она что-то лепетала на своём непонятном языке и топала прямо на электрическую плитку. И пусть плитка была выключена, Лёнька испугался и вывел девочку со своей территории. Соседка пожурила дочку за нарушение границы и поблагодарила Лёньку, который уже собрался уходить. И вдруг он увидел на столе толстую книгу. Это была кулинарная книга в твердом коричневом переплёте. Лёнька не решился попросить заглянуть в книгу, но когда соседка увела дочку гулять в заводской сад, вошёл на соседскую половину и заглянул в книгу, но никакого супа Рататуя в ней не оказалось. Лёнька посмотрел на книгу без всякого уважения и ушёл на свою половину. А вечером разразился скандал. Круглолицая соседка кричала, что, если ей не вернут деньги, она пойдёт к коменданту или в милицию.

— Какие деньги? — недоумевала мама.

— Наши, наши деньги! — не унималась соседка. Надетый по-пиратски платок наехал ей на брови. Круглолицая стояла перед простынёй и тыкала пальцем в Лёнькину сторону:

— Кроме него никому! Деньги в чемодане были, а чемодан открывали. У меня ниточка была приклеена. Она сорвана!

— Но мы на вашу половину не заходим, — защищалась мама.

Но «пиратка» отмахнулась от маминых слов:

— Знаем, как вы не заходите! Пусть вернёт деньги, иначе хуже будет! После этих слов Лёнька невольно посмотрел на угол своего топчана, где под матрасом лежали деньги на суп Рататуй. Соседка перехватила его взгляд, подошла к топчану, отогнула угол матраса, и Лёнька закрыл глаза, чтобы не видеть мамино лицо. Соседка унесла заработанные Лёнькой деньги на свою территорию.

— Вот вам и ленинградцы, — шипела она. — Не плачь, моя маленькая, — успокаивала она ребёнка, — не плачь, тебя воры не украдут, не позволю.

Лёнька бросился на топчан и уткнулся носом в подушку. Нет, он не плакал, он не навидел. Хлопнула дверь. Это пришёл муж соседки. Они долго шептались. Потом он вышел из-за простыни, попросил у мамы прощенья, положил на стол Лёнькин заработок и объяснил, что деньги из чемодана взял он сам, но жены дома не было, поэтому она не знала. Лёнька посмотрел на маму гордо... и ужаснулся. В её глазах было такое горе, что Лёньке стало страшно.

— Откуда у тебя столько денег? — спросила она тихо. — Где ты их взял? Где?

Лёнька не захотел открывать секрет супа Рататуя, он решил промолчать.

Но мама настаивала:

— Скажи, где ты взял эти деньги, или я сама отнесу их коменданту и пусть он выяснит, где школьники деньги берут.

И Лёньке пришлось признаться и рассказать про сапожника Фомича, про свою работу у него, про заработанные деньги, но ничего не сказал про тайну о супе Рататуй. Мама сидела на топчане, положив руки на колени, и слёзы текли по её щекам.

— Что же ты плачешь, всё же хорошо, — шептал маме Лёнька.

Мама обняла его и тихо ответила:

— Это я от радости плачу, а заработанные деньги спрячь туда, где лежали.

Лёнька лёг спать и, засыпая, думал, как можно плакать от радости? Это было ему непонятно.

СУП РАТАТУЙ

В день маминых именин Лёнька извлек деньги из-под матраса и отправился к Фомичу. Он хотел попросить выходной, так как у него важное дело. Но ничего сказать не успел. Фомич, насупив лохматые брови, сердито сказал Лёньке:

— Ты, Леонид, больше ко мне не ходи. А то твоя мамаша обозвала меня эксплуататором детского труда. Так что извини, пожалуйста, и прощай. Мне неприятности ни к чему.

Лёньке с трудом удалось уговорить Фомича не отказываться от его помощи. Он обещал, что никаких неприятностей не будет, и Фомич нехотя согласился. После этого непростого разговора Лёнька поехал

на городской базар, где купил мясо, картошку, морковку, большую луковичку и на всякий случай чекушку орехового масла. На выходе из рынка увидел он тётку, которая продавала примус и кастрюлю. Когда Лёнька увидел кастрюлю, он вдруг понял, что для супа папин котелок мал, а кастрюля была бы как раз. Лёнька посчитал остаток денег и спросил, сколько стоит кастрюля. Тётка назвала цену. Лёнька ещё раз пересчитал деньги. Их не хватало.

— Ну ладно, сколько их там у тебя?

Лёнька показал.

— Ладно, забирай, — сказала тётка и протянула кастрюлю.

— А крышка где?

— Была бы крышка, я бы тебе кастрюлю не отдала задарма, — проворчала сердито тётка.

Первым делом после прихода в общежитие Лёнька стал искать, чем можно накрыть кастрюлю. И нашёл. Подходила пластмассовая тарелка с мамино химического завода. Бракованные тарелки разрешали брать сотруднику завода бесплатно. Мама принесла сразу три таких тарелки. Две кривоватых, а одна с пузырями на дне. Ею Лёнька и решил накрыть кастрюлю. Он почистил картошку, морковку, лук, помыл мясо, помыл и порезал картошку и морковку, налил в кастрюлю воды, загрузил в неё все продукты, подумал, и вылил туда же чекушку орехового масла, посолил, включил плитку, поставил на неё кастрюлю, накрыл её пластмассовой тарелкой и прилёг отдохнуть. Его разбудила мама:

— Чем это у нас пахнет? Лёнька вскопчил с топчана:

— С днём рождения, мама! Я тебе суп Рататуй сварил!

Мамины глаза округлились и стали совсем как у пиратки-соседки. Она сняла тарелку и заглянула в кастрюлю, и Лёнька почувствовал, как пахнуло чем-то едим.

— Что это?

— Это формалин. Из тарелки. Она же химическая. Но ты не расстраивайся, это дело поправимое.

Лёнька заглянул в кастрюлю. Суп Рататуй был похож на кашу: картошка и лук разварились, только мясо лежало тёмной глыбой в светлой, резко пахнущей гуще, да краснели кругляшки морковки. Лёнька чуть не заплакал. Спасибо маме. Она достала пузырёк из чемодана и капнула в суп. Лёнька опять сунул нос в кастрюлю. Теперь пахло картошкой, луком и ореховым маслом. Наверное, пахло и мясом, просто Лёнька этот запах забыл. Они сидели с мамой друг против друга и ели суп Рататуй.

— Правда, вкусно? — после каждой ложки спрашивал Лёнька.

— Вкусно, — улыбалась мама, — спасибо, сынок!

Лёнька лёг спать сытый и счастливый. Мама постояла около его топчана, погладила давно не стриженные вихры:

— Дурачок ты мой сероглазенький...

А Лёнька спал и улыбался во сне. Потому что все, кто сам исполнит свою мечту, всегда улыбаются во сне. И это замечательно!

А до конца войны было ещё два с половиной года.

